

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава тридцать первая

ОДЕР И НЕЙСЕ

*“Европа не знала ничего подобного
со времени гибели Римской империи...”*

Потрёпанные в предыдущих боях немецкие дивизии отошли на линию Силезского промышленного бассейна и вновь изготовились к бою. Зачастую это были уже не дивизии, а полки, сведённые в боевые группы и усиленные артиллерией и танками. Ими командовали опытные командиры, и эти боевые группы носили их имена.

Наступление продолжалось. Конев маневрировал танковыми соединениями, и вскоре Силезский промышленный район оказался в полуокружении. Осталось закрыть одно направление, сдвинуть клещи плотнее и зажать стоящие перед авангардами десять-двенадцать дивизий противника, а потом добивать их в котле.

Но война многому научила. Конев помнил, чем закончилось для группы армий “Центр” формирование котлов с последующей их ликвидацией — пришли к Москве без танков и горючего, с огромными потерями в личном составе, оборванные, с растянутыми коммуникациями... Правее полным ходом наступали войска I-го Белорусского фронта. Жуков спешил. Изо всех сил. Выжимал из войск всё, что можно. Впереди была Германия, Берлин. Ещё не было полной определённости, кому, чьим войскам придётся брать “логово”. Если завязнуть здесь, в этом лабиринте промышленных предприятий и городков, где каждое строение превращено в крепость для круговой обороны, то время будет упущено навсегда...

Да, уже началось соровование двух тяжеловесов.

Конев ехал на КП генерала Рыбалко. Через несколько минут предстояло принять окончательное решение: то ли поворачивать бригады 3-й гвардейской танковой армии и запирать ими коридор, то ли всё же вытолкнуть силезскую группировку из укрепрайона и добивать её испытанным методом — на марше.

Окончание. Начало в №№ 5–6 за 2012 год, №5 за 2013 год.

С Павлом Семёновичем Рыбалко у Конева всегда были очень доверительные отношения, постепенно перераставшие в крепкую, здоровую дружбу. Командующий 3-й гвардейской танковой уже ждал его. Развернули карту. Поговорили. Конев сказал о своём решении. Рыбалко поморщился: 3-я гвардейская танковая только что выполнила сложнейший маневр — повернула на юг.

— Ничего, Павел Семёнович, — успокоил его Конев, — вам не привыкать. Ваша армия только что совершила блестящий поворот. Давайте сделаем ещё один доворот. Кстати, у вас целый корпус ещё не развернут, идёт во втором эшелоне. Давайте его сразу и введём на ратиборское направление, а два корпуса застопорим, тем более что связь по радио у вас со всеми корпусами отличная.

Рыбалко ещё раз взглянул на карту и сдержанно согласился:

— Да, это, пожалуй, возможно.

— Связь у вас хорошая, я не ошибаюсь? — снова уточнил Конев. — Со всеми есть связь?

— Да, связь есть со всеми, — подтвердил Рыбалко. — Радио работает безотказно.

— Так передайте тогда сейчас же приказ этим двум корпусам: “Стоп”, — а корпусу второго эшелона: “Вперёд, на Ратибор”.

КП Рыбалко находился на высоте. Видимость на запад отличная. Там, в стороне города Глейвиц, маневрировали наступающие танки. Хорошо просматривалась линия немецкой обороны. Левее видны порядки наступающей пехоты 21-й армии генерала Гусева.

Гусеву предстояло нажимать и нажимать вперёд, чтобы противник понял серьёзность намерений наступающих войск и принял этот участок за основной.

На КП командарма-21 Конев заехал по пути в 3-ю гвардейскую танковую. Приказ генералу Гусеву уже был отдан: атаковать непрерывно и теснить противника в направлении коридора — на юго-запад.

И теперь Конев наблюдал результаты своего приказа. На некоторых участках пехота уже захватила переднюю линию, танки поддержки утюжили окопы и огневые точки немцев. Противник толпами отходил в тыл.

— Посмотрите, Павел Семенович, как ваш сосед выполняет приказ. — И Конев указал в поле.

Рыбалко ничего не ответил. Он стоял у машины и диктовал радисту приказ корпусам.

Конев любил эти мгновения — ландшафт развернувшейся битвы был грандиозным и совершенным в своих очертаниях и ожиданиях. Дальняя пальба. Запах гари. Суета штабных офицеров, передающих и принимающих донесения. Сейчас кто-нибудь из них подойдёт и доложит о первых результатах атаки.

— Товарищ маршал, из штаба двадцать первой сообщили: первая линия окопов противника занята, передовые батальоны вклинились во вторую... — Капитан, который читает донесение, молод и, должно быть, мечтает командовать одним из тех батальонов, которые сейчас так лихо атакуют предместья Глейвица.

— Вот что, капитан, — выслушав доклад, говорит он, — передайте генералу Гусеву: всех, отличившихся в этой атаке, представить к медалям “За отвагу”, командиров батальонов, рот и взводов — к орденам.

Эх, как хочется этому капитану сейчас быть там! Конев это чувство пережил ещё в гражданскую...

Через час, стоя у обочины дороги, он наблюдал, как шёл танковый корпус. На броне десант. Десантники с гармошками, аккордеонами. Нахватали, славяне, трофеев... Режут лихие частушки:

*Эх, ма! Наша мать —
Горькая Расея.
Научились воевать,
Долбанём злодея!*

Научились, научились ребята воевать. И сами это чувствуют.

Современная война — это расстояния, которые войска и техника должны преодолевать как можно быстрее, стремительно меняя направления. Немцы это продемонстрировали ещё летом 41-го. Теперь они не так мобильны. Техника выбита. Но резервы ещё есть. И неизвестно, где они их введут в бой... Размышляя об этом, Конев думал о Рыбалко. Он восхищался им как танковым командиром, был благодарен ему за надёжность, за то, что Павел Семёнович умел ценить доверие. За то, что там, где он как командующий фронтом не всё предусмотрел, наверняка предусмотрит он. Всего ведь не охватишь.

Через годы, в книге “Сорок пятый” Конев с особой теплотой и благодарностью напишет о своём друге и боевом товарище, талантливом танковом командире Павле Семёновиче Рыбалко.

К 29 января 1945 года Силезский промышленный район был очищен от противника.

Когда солдаты Конева ворвались на территорию промышленной зоны, обнаружили: многие предприятия работают в обычном режиме, выпуская свою продукцию. Они и в последующем продолжили свою работу, переналадив штампы и формы под новые заказы другой армии.

На выходе из силезского укрепрайона, когда войска 17-й армии и армейской группы “Хейнрицы” вытиснулись в оставленном им коридоре, танки Рыбалко и дивизии 60-й армии Курочкина подвергли их истреблению.

А из первых эшелонов, которые ушли к границе Третьего рейха, уже сообщали: 5-я гвардейская армия генерала Жадова, “используя благоприятную обстановку, созданную поворотом армии Рыбалко, захватила плацдармы” за Одером, что правее 4-я танковая армия Лелюшенко тоже форсировала Одер и вышла в район Штейнау. А следующие вести принесли тревогу: 3-я гвардейская армия Гордова и 13-я армия Пухова завязли перед 24-м танковым и 42-м армейскими корпусами противника. На их правый фланг с севера давят резервы 9-й полевой армии. Ещё несколько дней назад эти части противника стояли перед войсками Жукова, а теперь сместились южнее и нависли над правым флангом 1-го Украинского фронта.

Накануне позвонил Верховный. Выслушал его доклад. И вдруг предостерёг:

— Смотрите, немцы не смирились с потерей Силезии и могут её у вас отобрать.

В эти дни Конев постоянно был в войсках. Связь работала бесперебойно. Офицеры штаба постоянно докладывали обстановку. Он тут же отдавал распоряжения. Штаб на колёсах. Как не хватало этого летом 41-го и позже, в 42-м под Ржевом... Он постоянно возвращался в своих мыслях в первые дни и месяцы войны. Восхищался той мощью, маневренностью и мобильностью своих сил, которую постоянно чувствовал под рукой и наблюдал, и сожалел об ошибках, которые допускал в прошлом. С тем же настроением впоследствии он будет диктовать вторую книгу своих мемуаров.

— Свяжитесь со штабом четвёртой танковой, — приказал он.

— Четвёртая танковая на связи, — тут же ответили ему.

— Спросите, где Лелюшенко?

— Лелюшенко на новом КП за Одером.

— Давайте быстро к нему, — приказал он и подумал: какой молодец...

Теснимые наступающими авангардами 1-го Белорусского фронта немецкие войска нажимали на дивизии Гордова. Создавалась опасная ситуация, при которой немцы могли смять порядки 3-й гвардейской и хлынуть в тыл всей группировке, выдвинувшейся к Одеру и опасно растянувшей свои коммуникации. Для того чтобы этого не допустить, он приказал Лелюшенко нанести удар в северо-западном направлении. Танки Лелюшенко наступали по обоим берегам Одера. Положение 3-й гвардейской несколько улучшилось. Но немцы разгадали этот маневр и отвернули севернее. Удар Лелюшенко не достиг намеченной цели. И всё же в районе Лисса 4-й танковой и 3-й гвардейской удалось остановить и окружить противника. В котёл угодило несколько дивизий. Около пятнадцати тысяч было уничтожено и пленено. Остальным удалось вырваться.

Изношенные сапоги и ботинки русских пехотинцев вслед за танками прошли по междуречью Вислы и Одера. Дорога казалась длинной, но оказалась недолгой. К началу февраля тульские гармошки и трофейные аккордеоны играли “барыню” и разливали “саратовские страдания” уже на Одере и на плацдармах за немецкой рекой.

Висло-Одерская операция завершилась.

Вот как её впоследствии прокомментировал бывший начальник штаба 48-го танкового корпуса, а затем 4-й танковой армии генерал фон Меллентин: “Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи”.

Немного пафосно. Но исторически довольно точно.

Итогом Висло-Одерской операции для войск маршала Конева стало освобождение Южной Польши, древней польской столицы города Краков, которую, как хрустальную вазу, уже падающую и обречённую уничтожению, войска 1-го Украинского фронта выхватили из рук отступающих частей вермахта и передали полякам. Был очищен от противника весь Силезский промышленный бассейн, и то “золото”, о котором маршалу сказал Верховный, было взято целеньким, без повреждений. Заводы Польши уже работали на нужды освобождённой Польши.

Во время боёв было уничтожено около 150 000 солдат и офицеров противника, 43 000 взято в плен. Захваченные трофеи исчислялись десятками тысяч орудий и миномётов, сотнями танков, самолётов и другой техники.

За Одером были захвачены выгодные плацдармы для предстоящих ударов на дрезденском и берлинском направлениях.

В оперативном отношении дрезденское направление, обеспеченное группировкой левого крыла фронта, было более перспективным. Войска здесь сидели надёжно и вели разведку вперёд. Правая группировка оказалась в более сложном положении. Но перед ней лежал прямой путь на Берлин.

Войска соседа справа тем временем налетели на мощнейшую оборону противника — Померанский вал — и тоже вынуждены были остановиться. Однако до Берлина Жукову оставалось по прямой 60–80 километров.

После войны, деля лавры, маршалы и генералы не раз будут спорить и напрямую, и через своих посредников, военных историков и публицистов, почему не получилось взять Берлин на два месяца раньше.

Маршал Жуков, который прибыл на фронт, непосредственно на берлинское направление для того, чтобы поставить последнюю точку в затянувшейся войне ударом самой сильной группировки через одерские оборонительные линии на Кюстрин и далее на Берлин, в конце января 1945 года докладывал Сталину: “Задача фронта... с утра 1–2 февраля 45 года — продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада”.

Но Померанский вал застопорил движение и самого Жукова. Немцы были сильны до самого конца. Группа армий “Висла”, которую возглавил рейхсфюрер СС Гиммлер, используя растянутость 1-го и 2-го Белорусских фронтов и образовавшийся разрыв между их флангами, готовилась нанести удар с выходом на их тылы. Жуков вовремя выставил заслон. Таким образом, резервы были отвлечены от основного направления.

31 января 1945 года Жуков доносил Сталину:

“1. В связи с резким отставанием левого фланга 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К. К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу указать К. К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией

в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И. С. Конев просит обязать быстрее выйти на р. Одер”.

Читая этот документ, невольно приходишь к мысли о том, что мышление маршала Жукова было всё-таки шире командующего войсками фронта, даже такого мощного, как 1-й Белорусский. Сидеть бы ему в Генеральном штабе и командовать всеми фронтами. Но кто бы тогда стал Маршалом Победы?

На указание Жукова повернуть войска Рокоссовского и Конев Верховный так и не ответил.

С Померанской группировкой Жуков и Рокоссовский, в конце концов, справились. Перемололи гусеницами своих танковых корпусов и 11-ю армию генерала Грассера, пытавшуюся контратаковать, и группу армий “Висла” рейхсфюрера СС Гиммлера. Но в какой-то момент войска, нацеленные на Берлин, пришлось отвести и развернуть по другим направлениям. К примеру, из-за Одера была отозвана 1-я гвардейская армия генерала Катукова, которая ещё в начале февраля готова была броситься с Кюстринского плацдарма на “логово”. Нет, рано и слишком опасно.

1-й Украинский фронт тоже замешкался. Конев впоследствии признал, что его войска выполнили только часть своей задачи, что “для дальнейшего наступления требовалась пауза”.

Конев: “Мы наступали непрерывно сорок четыре дня (с 12 января по 24 февраля) и прошли с боями от пятисот до семисот километров. В среднем за каждые сутки войска продвигались на шестнадцать километров. За такие итоги краснеть не приходится. Но они не освобождают меня от необходимости объяснить, почему все же Нижне-Силезская операция планировалась нами на одну глубину, а на практике осуществлена на другую, значительно меньшую.

Отбрасывая в сторону ряд менее существенных обстоятельств, я должен назвать здесь три основные причины.

Во-первых, в конце января, планируя эту операцию, мы считали, что наше дальнейшее наступление на запад будет проходить одновременно с продолжающимся наступлением войск 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Однако в действительности получилось иначе.

Как раз в период между утверждением плана нашего наступления и его началом перед 1-м Белорусским фронтом возникла неотложная задача: ликвидировать угрожавшую ему восточно-померанскую группировку немецко-фашистских войск. В связи с этим по указанию Ставки он был вынужден отказаться от дальнейшего наступления на берлинском направлении и после выхода на Одер закрепиться на достигнутых рубежах, одновременно подготавливая удар в Померании.

Осложнилось положение и у нашего левого соседа, 4-го Украинского фронта, нацеленного на Чехословакию. Он столкнулся с упорнейшим сопротивлением противника и почти не продвигался.

Во-вторых, уже в ходе операции нам пришлось убедиться, что в конце января мы недооценили возможностей противника по восстановлению боеспособности своих частей и соединений, разгромленных нами на Висле и Одере. Он делал это гораздо быстрее и решительнее, чем мы могли предполагать.

И наконец, в-третьих, наступление в задуманных первоначально масштабах очень затруднялось громадной растяжкой наших коммуникаций”.

Сравнивая, как говорят профессионалы, показания, приходишь к выводу, что Жуков в этот период войны, конечно же, буквально пылал желанием как можно скорее добраться до Берлина и прихлопнуть там последнюю немецкую группировку.

С запада к “логову” приближались союзники. Политический расклад всё более очевидно становился таким: кто возьмёт Берлин, тому и достанется венец победителя. Но немцы по-прежнему были сильны. Они перебрасывали с Западного фронта новые и новые силы — корпуса, дивизии, отдельные батальоны — и лихорадочно латали дыры, создавали ударные группировки и контратаковали при каждом удобном случае. Любую оплошность наших маршалов и генералов они омывали кровью наших солдат.

В книге “Солдатский долг” командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал К. К. Рокоссовский рассказывает о февральских боях в Померании так: “А положение у нас на левом крыле создавалось тревожное. По мере продвижения войск к северу всё больше оголялся наш левый фланг: ведь наш сосед — 1-й Белорусский фронт — оставался на месте. Противник стал всё чаще наносить удары во фланги и тылы нашим наступающим частям. С опаской мы поглядывали на Ной-Штеттин. Этот город, остававшийся западнее разграничительной линии нашего фронта, был полон гитлеровскими войсками, которые в любой момент могли ринуться на наш открытый фланг. Я сообщил об этом в Ставку. Вскоре меня вызвал к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Я доложил ему обстановку на нашем фронте и положение, складывающееся на левом крыле. Сталин спросил:

— Что, Жуков хитрит?

— Не думаю, — ответил я, — чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создаётся угроза на обнажённом нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление”.

Как видим, Верховному, чтобы поторопить соседа, звонили все. Кроме Конева. Конев прекрасно видел ситуацию, полностью владел ею и знал, что надо делать сейчас, а что — завтра. Помощи не просил. Сил хватало. К Берлину сломя голову не ломился. Хотя, конечно же, понимал, что лавровый венок у победы, которая уже сияла впереди, всего один.

Но он знал и другое, и постоянно это имел в виду: жизнь у солдата тоже одна...

Не хочу и пытаться идеализировать своего героя. Полководцу такого уровня, каким был Конев, трудно быть, а тем более — слыть человеколюбом. Как и все полевые командиры высокого ранга, он шёл к своей победе по рекам крови и горам убитых своих и чужих солдат. Чтобы победить врага и защитить свою родину, надо посылать солдата в пекло, на смерть.

И всё же в 45-м, когда финал уже был предрешён, маршалы воевали по-разному.

В своей итоговой книге “Сорок пятый”, в главе о боях между Вислой и Одером, маршал написал: “Я стремился хладнокровно взвесить все плюсы и минусы.

Ну, хорошо, мы окружим гитлеровцев в Силезском промышленном бассейне. Их примерно сто тысяч. Половина из них будет уничтожена в боях, а половина взята в плен. Вот, собственно говоря, и все плюсы. Пусть немалые, но все.

А минусы? Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу, который должен стать достоянием новой Польши.

Кроме того, и наши войска понесут тяжёлые потери, потому что драться здесь — значит штурмовать завод за заводом, рудник за рудником, здание за зданием. Даже если имеешь преимущество в технике, в таких боях за город, где берёшь дом за домом, приходится платить дорогой ценой — жизнью за жизнь.

А между тем людских потерь у нас за четыре года войны и так достаточно. Перспектива же победоносного окончания войны недалека. И всюду, где это возможно, так хочется сохранить людей, дойти с ними, с живыми, до победы”.

В мемуарах, конечно же, можно написать всё, что угодно. И таких мемуаров в нашей литературе предостаточно. Они не прибавили отечественной словесности чести и внесли изрядную путаницу в историографию. Этим же словам хочется верить, потому что они не раз подтверждались делом.

Конев не штурмовал укрепрайоны, такие как Силезский промышленный район, не бросал полки на штурм городов-крепостей, таких как Бреслау (Вроцлав). Бреслау был окружён плотным кольцом и оставлен по его приказу в тылу. Его почти пятидесятитысячный гарнизон дрался до тех пор, пока не пришла весть, что Германия капитулировала. Кварталы Бреслау штур-

мовали специально сформированные и обученные для действия в городских условиях штурмовые сапёрные батальоны, имевшие на вооружении огнемёты, спецтехнику и даже специальную экипировку, в том числе и стальные кирасы, защищавшие тело от осколков и пуль. Точно так же был блокирован и постепенно частично уничтожен, а частично пленён гарнизон городка крепости Глогау.

К середине февраля коневцы вышли на реку Бобёр, заняли несколько крупных населённых пунктов в Нижней Силезии и провинции Бранденбург основными силами 4-й танковой армии.

Справедливости ради необходимо отметить, что сосед слева — 4-й Украинский фронт — в это время был остановлен и вел тяжёлые оборонительные бои. Сосед справа — 1-й Белорусский фронт — левым своим флангом тоже остановился в стыке с войсками Конева по Одеру и перешёл к обороне. Все резервы, имевшиеся на этом участке Восточного фронта, противник перебрасывал, конечно же, туда, где создавалась угрожающее положение. Угрозу прорыва создавали войска Конева, потому что они наступали.

К концу февраля 1945 года войска маршала Конева вышли к реке Нейсе. Правое крыло 1-го Украинского фронта сомкнулось с левым крылом 1-го Белорусского.

Глава тридцать вторая

СЕРДЦЕ КУТУЗОВА

*“При прохождении мимо могилы
и памятника Кутузову отдавать
воинские почести...”*

Во время боёв между Вислой и Одером произошло некое событие, в котором наш герой будет играть одну из главных ролей. Ярко проявится ещё одна черта его характера.

52-я армия генерала Коротеева захватили городок Бунцлау, в котором весной 1813 года во время Заграничного похода Русской армии скончался командующий фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Конев хорошо знал историю и приказал офицерам штаба разыскать могилу, где, по преданию, похоронено сердце главнокомандующего Русской армией. Могилу вскоре отыскали. На плите была выбита надпись: “До сих мест дошёл князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска. Но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество своё. Он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя”.

Когда Конев осматривал могилу и плиту с надписью, кто-то из офицеров произнёс:

— Пушкин сказал о Кутузове: имя его не только священо для нас, но не должны ли мы ещё радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком!

Тут же выяснилось, что немцы демонтировали памятник, установленный вскоре после смерти Кутузова. Конев приказал найти его. Чугунный обелиск отыскали, реставрировали и установили на пьедестал.

В тот же день Конев отдал приказ:

“В ознаменование светлой памяти фельдмаршала Кутузова приказываю:

1. Коменданту города Бунцлау учредить почётный караул у памятника фельдмаршалу Кутузову.

2. Всем войсковым частям и отдельным военнослужащим при прохождении мимо памятника фельдмаршалу Кутузову отдавать воинские почести.

3. Приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях, командах”.

Кроме того, по решению Военного совета 1-го Украинского фронта на старом деревенском кладбище по проекту архитектора, капитана Красной Армии

Г. И. Кевхшвили был сооружен кутузовский мемориал. Центром его стал памятник генерал-фельдмаршалу. А вокруг положили погибших героев 45-го — тела 141 офицера, в том числе сорока двух Героев Советского Союза.

В те дни офицерское кладбище близ Тиллендорфа стало местом паломничества местных жителей, частых митингов, салютов, экскурсий воинов Красной Армии и Польской народной армии. 28 апреля 1945 года, в годовщину кончины полководца, у могилы Кутузова почётный караул несли 136 Героев Советского Союза 1-го Украинского фронта. Солдаты установили мраморную доску с надписью:

*“Великому патриоту земли русской
Фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову
в день 132-й годовщины его смерти 28 апреля 1945 года.*

*Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты памятник бессмертный русской славы
На сердце собственном воздвиг.
Но не умолкло сердце полководца,
И в грозный час оно зовёт на бой,
Оно живёт и мужественно бьётся
В сынах Отечества, спасенного тобой!
И ныне, проходя по боевому следу
Твоих знамён, пронесшихся в дыму,
Знамена собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему!*

*От воинов Красной Армии, 12 февраля 1945 года вступивших в город
Буңцлау”.*

Такого эпизода вы не найдёте ни у одного полководца Великой Отечественной войны.

Было в этом жестоком воине и нечто такое, что он получил от своих вятско-вологодских предков и что великий Пушкин назвал *любовью к отеческим гробам*. Нет, не прошли даром, не провалились сквозь сито времён уроки кузнеца Алеши Артамонова из родного Лодейна, наставления учителя земского училища Ильи Михайловича, байки ветерана Шипки Алёши Турки. Родина положила в его душу хороший замес.

После войны Конев снова побывал в этих местах. Приезжал поклониться сердцу главнокомандующего Русской армией Михаилу Илларионовичу Кутузову и своим героям-молодцам. Привозил сюда свою семью.

Глава тридцать третья

БЕРЛИН. ВЕСНА 45-го

“Эта проклятая разграничительная линия не давала нам покоя больше двух месяцев...”

Генерал армии С. М. Штеменко в своих мемуарах писал: “26 января 1945 года Генштаб получил решение командующего 1-м Белорусским фронтом о безостановочном наступлении на Берлин. Днём позже поступило аналогичное решение командующего 1-м Украинским фронтом. Генштаб беспокоила лишь одна деталь: разграничительная линия между фронтами, установленная по рекомендации маршала Жукова, фактически оттирала 1-й Украинский фронт к югу от Берлина, не оставляя ему никакого окна для удара по германской столице. Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили

решение Конева — правым крылом наступать на Берлин, а с другой — разграничительную линию, которая не позволяла это сделать. Маршал Конев очень разволновался по этому поводу... Эта проклятая разграничительная линия не давала нам покоя больше двух месяцев”.

Штеменко верить можно. Хотя бы потому, что прослужил он свои годы честно, не вилял перед вожжами, но верой и правдой служил одному из них. За что трижды из генерал-полковников понижался в звании до генерал-лейтенанта. Таким образом, имел редкое в Красной Армии звание — трижды генерал армии.

Но мы, кроме мемуаров, заглянем ещё и в документы. Рассмотрим факты.

Драма под названием “Великая Отечественная война” подходила к своему финалу.

Оперативная пауза перед решающим штурмом длилась с конца февраля до середины апреля 1945 года. Она оказалась достаточно продолжительной.

Однако для северного крыла 1-го Украинского фронта эта пауза была относительной. С 15 по 31 марта 1941 года армии правого крыла провели Верхне-Силезскую наступательную операцию. В первый же день войска столкнулись с сильной группировкой противника, которая, как впоследствии выяснилось, готовилась к удару на Бреслау с целью выручить блокированный в крепости пятидесятитысячный гарнизон. В этих боях особенно пострадали корпуса генерала Лелюшенко. Танкисты впервые подверглись атаке немецких фаустников. Как всегда, активно работала противотанковая артиллерия противника. Некоторые бригады потеряли до трети боевых машин.

В районе Опельна армии генералов Гусева и Коровникова при поддержке танков генерала Лелюшенко отрезали от основных сил и блокировали плотным кольцом крупную группировку противника в составе 20-й пехотной и части сил 18-й моторизованной дивизий СС, а также 168-й и 344-й пехотных дивизий, нескольких отдельных полков и батальонов.

На этот раз Конев приказал уничтожить котёл:

“Комбатам, комполкам, комдивам 225, 285, 229 и 120-й дивизий 21-й армии. Окружённый противник пытается прорваться в направлении Штейнау. Враг деморализован, прорывается отдельными группами, без техники. Приказываю.

1. До ночи выходящие группы противника уничтожить, пленить. Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии, 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения.

2. Приказ довести до всех рядовых, сержантов, офицеров всех родов войск”.

Немцы бросили на выручку окружённых танковую дивизию “Герман Геринг”. На следующий день усилили её 20-й танковой и 45-й пехотной. Все контратаки были отбиты. 21-я армия к исходу дня 20 марта покончила с окружённой группировкой. Около 30 000 человек было убито, 15 000 пленено.

Затем была уничтожена группировка в районе городов Ратибора и Рыбника.

Союзникам немецкие войска в эти дни так яростно не сопротивлялись.

Полутораметровые стены каменных домов, превращённых в крепости, артиллеристы 60-й армии генерала Курочкина пробивали с открытых позиций. В дело были брошены батареи тяжёлого калибра, в том числе и 203-мм гаубицы большой мощности. В проломы шли ударные сапёрные части и пехота.

Немцы перебросили с других направлений и ввели в бой 17-ю и 8-ю танковые дивизии. Это были старые знакомые Конева, с которыми он имел дело ещё во время летних боёв 41-го. И Конев, чувствуя напор, тоже вводил в бой свои резервы. Резервы были. Но их надо было и беречь для решающего штурма.

31 марта с ратиборской и рыбницкой группировками врага было покончено. На этот раз стояла хорошая погода, и авиация, особенно штурмовая, буквально ползала на пузе по переднему краю, уничтожая немецкую бронетехнику, подавляя артиллерию и пулемёты.

Тогда же, 31 марта, наступила действительная пауза.

Продлилась она недолго.

В конце марта 1945 года Конева вызвали в Ставку.

Он уже знал, что Берлин будет брать сосед справа, а его войскам отведена роль щита с юга с дальнейшей задачей выйти к Эльбе и встретить там союзников. Союзники, в особенности англичане, тоже рвались к Берлину. Черчилль вдруг спохватился: “Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьёзные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в этом случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения”.

Сталин почувствовал, что союзники при виде близкой добычи не прочь нарушить соглашения, достигнутые в Ялте в феврале 1945 года о разделе Германии. А это означало, что Англия и США уже начали репетировать новый акт — вытеснение Советского Союза, его войск, из освобожденной Европы. Сталин следил за всеми изменениями в настроениях и намерениях союзников очень внимательно.

Коневу приказано было встретить их на южных подступах к Берлину. Встретить — означало остановить на линии соприкосновения.

Но ему хотелось войти в Берлин. Война уже заканчивалась. В штабах это чувствовалось особенно. События четырёх минувших лет уже медленно переплавлялись в историю, незаметно для неискушенного глаза деформируясь и обретая застывшие, канонические формы. Маршал прекрасно понимал, что в краткий её курс войдут три-четыре, быть может, пять, основных, наиболее ярких операций. Столько же имён. Взятие Берлина — это апофеоз. Пик общенародной мечты, выжившей на руинах страданий и надежд. Берлинские бои в памяти народа останутся обязательно. И герой берлинской эпопеи станет народным героем и любимцем. С его именем будет ассоциироваться победа. На его главу будет возложен венец победителя. Все остальные, пусть и не менее достойные, и осыпанные орденами и почестями, будут рядом или вокруг. Около или поблизости.

Конев весьма точен в своих мемуарах. Но, должно быть, память изменяла и ему. В мемуарной книге “Сорок пятый” он пишет: “Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и я”.

Мы ещё вернёмся и к этому фрагменту мемуаров, и к самой встрече в Ставке маршалов и Верховного.

А теперь вчитаемся в мемуары генерала армии Штеменко: “...как только обнаружили первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г. К. Жукова и И. С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день, 1 апреля 1945 года, план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и всё закончить в течение 12–15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя”.

Напомню, генерал Штеменко в то время возглавлял оперативное управление Генштаба. Владел полной информацией. Она и легла потом в основу его мемуаров.

Штеменко пишет, что в Генштабе они вместе с двумя маршалами обсуждали берлинскую тему 31 марта.

Значит, всё же 31 марта...

Итак, маршалы вошли в большой кабинет Сталина. За столом под портретами Суворова и Кутузова сидели члены Государственного Комитета Обороны, а также начальник Генерального штаба А. И. Антонов и начальник главного оперативного Управления С. М. Штеменко.

Сталин тут же перешёл к главному. Попросил генерала Штеменко зачитать некую телеграмму, суть которой сводилась к следующему: союзники стягивают на берлинское направление дополнительные силы, создаются группировки, таким образом, план взятия Берлина союзными войсками нужно рассматривать как реальность.

Когда Штеменко дочитал телеграмму, Верховный обратился к маршалам, задал вопрос сразу двоим:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Конев в мемуарах пишет: “Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмём его раньше союзников.

— Вон какой Вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу: — А как Вы сумеете создать для этого группировку? У Вас главные силы для этого находятся на Вашем южном фланге, и Вам, по-видимому, придётся производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведёт все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния”.

Верховный выслушал обоих маршалов и остался доволен их докладом и решимостью выполнить приказ. Приготовления союзников всё же продолжали его беспокоить. Он поручил маршалам подготовить прямо здесь, в Москве, в Генштабе, свои планы, согласовать вопросы взаимодействия и доложить ему не позднее, чем через сутки-двое.

Работали Конев и Жуков в отдельных комнатах. Но иногда собирались в кабинете у Антонова или Штеменко, чтобы увязать некоторые принципиальные вопросы.

Штеменко: “Работа Генштаба по планированию завершающих ударов крайне осложнилась категоричным решением Сталина об особой роли 1-го Белорусского фронта. Овладеть столь крупным городом, как Берлин, заблаговременно подготовленным к обороне, одному фронту, даже такому мощному, как 1-й Белорусский, было не под силу. Обстановка настоятельно требовала нацелить на Берлин по крайней мере ещё и 1-й Украинский фронт. Причём, конечно, нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами”.

2 апреля маршалы вновь были у Верховного. Докладывал Антонов. Потом командующие фронтов. Сталин никаких существенных замечаний не высказал. Он доверял им.

Когда Конев закончил свой доклад, Верховный сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и в Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счёт прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

Обе армии были знакомы Коневу по боям 41-го и 42-го годов под Смоленском и Ржевом.

В директивах фронтам берлинского направления было сформулировано: Берлин атакуют войска 1-го Белорусского фронта; армии 1-го Украинского должны тем временем разгромить противника в районе Котбуса и южнее Берлина с выходом к 10-му дню операции на рубежи юго-западнее Берлина, к реке Эльбе. Всё. Вот его роль в районе Берлина.

Конев неожиданно заявил, что войска 1-го Украинского фронта тоже полны решимости штурмовать Берлин. При этом начальник Генштаба ещё раз обратил внимание Верховного на то, что существующая разграничительная линия фактически исключает намерение маршала Конева и участие его войск в штурме Берлина. Конев стоял на своём, доказывая, что при существующей конфигурации фронта и расположении группировок целесообразно “нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина”.

Штеменко: “Сталин пошёл на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел её до населённого пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин,— заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разгранлиния не давала нам покоя более двух месяцев. Не возражал и маршал Конев. Его это тоже устраивало”.

Из-за этой проклятой разгранлинии, которую, как предусматривает устав, перед началом операции не провели чётко и определённо, Жуков уложил тысячи солдат на Зееловских высотах и при штурме в лоб обводов города, а Конев потерял большое количество танков и, конечно же, экипажей, сгоревших на тесных улочках от фаустпатронов и противотанковых орудий, выставленных на прямую наводку. Спешили отличиться. И тот, и другой. Войти в историю. Полководческая мудрость отступила на второй план перед страстью стать первым.

Впрочем, не нам их судить.

Планы планами, а реальный бой, а тем более — сражение такого масштаба, каким было Берлинское, которое порой называют “Битвой за Берлин”, зачастую пишет свой сюжет. Как говорят в народе: “Брань дело кажет”.

Подступы к “логову” изобиловали болотами, каналами, лесами, реками, озёрами. Глубокоэшелонированная оборона, построенная основательно, по всем правилам инженерного дела. Непосредственно перед городом два внешних обвода оборонительных линий. Всё густо занято войсками. Некоторые части и целые дивизии срочно переброшены с Западного фронта. Минные поля. Танковые ловушки. ПТО. Дух солдат и фольксштурма — умереть за Германию, за фюрера в последнем бою, но не пропустить большевиков дальше своих позиций.

При таком построении обороны берлинской группировки противника разумнее выглядел один из резервных планов Генштаба, который предполагал не лобовой штурм города через Зееловские высоты, а охват района Берлина силами двух фронтов с севера (2-й Белорусский), северо-запада (1-й Белорусский), юга и юго-запада (1-й Украинский). Войска фронтов, согласно плану, должны были соединиться в районе Бранденбурга и Потсдама и одновременно отсечь любое “поползновение” к Берлину союзников.

Но лавровый венок у Сталина был один...

Конев, впрочем, ситуация, которая сложилась к началу операции, вполне устраивала. Он смотрел на карту с расположением своих ударных сил и частей второго эшелона и понимал, что возможность войти в Берлин у него есть. И очень даже реальная. Не зря он пестовал и закалял в боях свои танковые армии. Рыбалко и Лелюшенко преодолевали марши, подобные тому, который предстоял им сейчас, не раз.

В ночь на 16 апреля правее боевых порядков Конева небо поднялось, осветилось дальним заревом, и зарево начало дрожать и подниматься всё выше и выше. Позже донеслась канонада. Это начал 1-й Белорусский фронт. Жуков и тут решил опередить всех.

В ту ночь Конев только что вернулся из района Бреслау. Там 6-я армия генерала Глуздовского продолжала удерживать в блокаде крупную группировку противника, не желающего сдаваться.

Переданные из состава 3-го Белорусского фронта 28-я и 31-я армии были ещё на марше. Конев решил начинать, не дожидаясь их подхода.

На передовом НП генерала Пухова было тесновато. Блиндаж был отрыт и тщательно замаскирован на опушке соснового бора. Внизу обрыв. Под обрывом — Нейсе. За рекой — пологий берег. Он хорошо просматривался на многие километры вперёд, вправо и влево. Уже светало, и в стереотрубу было хорошо видно, что происходило на той стороне, у немцев.

Артподготовка проводилась в три этапа, всего 145 минут: 40 минут — прикрытие выхода пехоты к реке; 60 минут — форсирование; 45 минут — обеспечение атаки на том берегу. После того, как противоположный берег Нейсе потонул в чёрном смраде разрывов, передовые батальоны начали форсирование.

Конев хорошо видел, как под прикрытием огня и дымовой завесы на подручных плавсредствах батальоны переправляются на противоположный берег. Через несколько минут сапёрные части уже навели десантные переправы, и по ним пошла пехота. За ними подошли полковые артиллерийские группы и тоже начали переправу. Всё шло строго по графику.

Однако левый берег начал огрызаться. Огневые точки, которые не подавила артиллерия, открыли огонь.

И тут произошло то, что впоследствии описал в своих мемуарах командующий 13-й армией генерал Пухов. Пуля щёлкнула по креплению стереотрубы и с воем ушла в сторону. Пухов признался, что почувствовал себя неважно. Конев же, тоже на мгновение отвлекшись от стереотрубы, сделал вид, что ничего не произошло, и молча продолжал наблюдение.

Чтобы облегчить форсирование Нейсе, обеспечить успех в начале атаки и уменьшить потери, Конев приказал установить дымовую завесу на левом берегу реки.

Конев: “Мастерски это сделали лётчики-штурмовики! Стремительно пройдя на бреющем, они не “пронесли” её, а поставили точно на рубеже Нейсе”.

Дымы поставили на ширине фронта в 390 километров и тем самым отчасти ввели противника в заблуждение по поводу направления главного удара. Утро выдалось тихое, безветренное. Дымы медленно сносило на запад, накрывая немецкие окопы на левом берегу.

Наступали же на 90-километровом отрезке, где сосредоточилась ударная группировка.

С самого начала всё пошло хорошо. Кропотливая подготовка войск, дни и ночи неустанного труда штабов и солдат дали свой результат. Суворовское “Тяжело в ученье — легко в бою” оправдало себя и в этой операции.

Ещё в январе 1945 года к своим обязанностям приступил вернувшийся из госпиталя командующий артиллерией фронта генерал Варенцов. Блестящая организация артиллерийского наступления; точная работа расчётов по огневым точкам противника, которые были разведаны накануне артиллерийской разведкой и нанесены на таблицы стрельбы; контрартиллерийский огонь; способность артподразделений и отдельных расчётов выполнить практически любую профильную задачу в быстро изменяющихся обстоятельствах — всё это результат огромной работы генерала Варенцова. Как бывший артиллерист, Конев высоко ценил своего заместителя по артиллерии и радовался тому, что теперь, в дни решающей битвы, он был рядом.

Чтобы облегчить задачу авангардов 13-й армии, которая должна была выполнить первоначальную задачу берлинского наступления 1-го Украинского фронта — прорвать оборону противника на всю её глубину — по предложению Варенцова при каждом стрелковом полку была создана пушечно-артиллерийская группа (ПАГ). К примеру, 117-му стрелковому полку 333-й дивизии был придан ПАГ, укомплектованный 142 орудиями и миномётами; 4-й гвардейский стрелковый полк 6-й гвардейской стрелковой дивизии — 182 орудия и миномёта. Кроме того, в 13-й армии сформировали сильную армейскую артиллерийскую группу в составе четырёх бригад и двух полков — всего 224 орудия.

Чтобы понять, какое значение имела хорошо поставленная работа артил-

лерии во время Берлинской наступательной операции фронта, приведу один пример.

На второй день наступления, 17 апреля, когда немцы пришли в себя и начали контратаковать, в полосе наступления 3-й гвардейской армии произошло следующее. 21-й гвардейский стрелковый корпус уткнулись в крупный узел сопротивления — город Зерген. Генерал Гордов тут же попросил помощи. Маршал Конев приказал Варенцову немедленно оказать помощь залегшему на подступах к Зергену 21-му гвардейскому корпусу. Тут же на угрожаемый участок было направлено пять бригад из состава 1-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва — 220 орудий и тяжёлых миномётов. Налёт, организованный Варенцовым, длился всего пять минут. Но это был удар такой интенсивности, такой огненный шквал, после которого пехота пошла ко второму рубежу обороны по крошке, по щебню, оставшемуся от зданий, и телам их защитников.

Войскам Конева противостояла 4-я танковая армия и многочисленные отдельные батальоны и отряды фольксштурма. 4-я танковая — старый противник Конева. С ней схватился он летом 43-го на южном участке Орловско-Курской дуги, затем дрался на Украине и в Силезии. И вот наступила последняя битва. В результате первого удара 4-я танковая армия была расчленена на три части. С этого момента они будут обороняться изолированно и постепенно истребляться до полного уничтожения. Часть солдат и офицеров сдалась в плен. В первый же день четыре дивизии, стоявшие в обороне вдоль Нейсе, были буквально стёрты, засыпаны в окопах, разбиты по окрестным лесам и балкам. Уцелевших стогнали в колонны и отправляли в тыл. Эта судьба постигла 342-ю, 545-ю пехотные, 615-ю особого назначения и моторизованную дивизию “Бранденбург”.

На второй день авангарды вышли к Шпрее. К исходу дня батальоны 3-й гвардейской армии на некоторых участках под огнём противника переправились на другой берег и захватили плацдармы.

На третий день битвы немцы, наконец, поняв маневр Конева, — направленный удар на охват Берлина с юга — бросили против него резервы. На второй и третьей линиях обороны наши наступающие части встретили шесть танковых, одну моторизованную и пять пехотных дивизий. Начались контратаки. Противник бросал в бой до шестидесяти танков и пехоты.

Во второй линии схватились во встречном бою танки, пока действовали бригады поддержки пехоты. Главную свою броневую силу — танковые армии Рыбалко и Лелюшенко — Конев пока придерживал во втором эшелоне. Но резервы всё же вводил: под рукой у него были несколько стрелковых и механизированных корпусов. Вот ими комфронта и маневрировал в самые тяжёлые часы сражения.

Вперёд! Вперёд! Нельзя было сбавлять темп наступления. Вперёд!

Он прекрасно чувствовал пульс сражения, чувствовал, как живую, материю битвы. Немцы выдыхаются. Уже слабее их контрудары. Пленные, которых приводили к нему из только что захваченных окопов и подбитых танков, выглядели отчаявшимися. Это были солдаты уже разбитой, побеждённой армии.

Штурмовые полки генерала Красовского рыскали над горящими лесами по передовой и в ближнем тылу противника, разыскивали колонны, в том числе танковые, бросались на них, как соколы на притаившихся лисы, рвали на куски, загоняли в болота и балки, жгли прямо на дорогах в организованных “пробках”. Погода стояла прекрасная. Авиация работала без устали. Истребители отгоняли немецкие “мессершмитты” и “фокке-вульфы”. Немцы к тому времени уже давно потеряли главенство в небе: над районом Берлина царили советские самолёты. Их присутствие над полем боя было постоянным. Самолёты помогали пехоте и танкам. Делали то, что не успевала или не могла сделать артиллерия генерала Варенцова.

17 апреля Конев и генералы Рыбалко и Лелюшенко стояли на высоком берегу Шпрее. Внизу танки 4-й гвардейской армии переправлялись через брод по мелководью. Чуть ниже начали переправу бригады одного из корпусов 3-й гвардейской танковой армии.

Наконец, настал черёд основных сил фронта — танковых армий. Они вводились в прорыв.

— Смелее вперёд, в оперативную глубину, — говорил Конев своим танковым командирам. — Не оглядывайтесь назад. Не ведите с противником боёв за их опорные пункты. Ни в коем случае не берите их в лоб, если обойти нельзя. Маневрируйте, берегите машины, они нам нужны будут для выполнения главной задачи.

Слово “Берлин” или, как тогда говорили в войсках, “логово” никто из них не произнёс ни разу. Но оно буквально гудело в их ушах колоколами.

Неподалёку от переправы в старом замке был оборудован передовой оперативный командный пункт. Работала связь. На столах были разложены карты. Операторы занимались своим привычным делом: полученные донесения тут же превращались в отметки на картах.

Конев приказал связаться с танкистами. Корпуса уже шли на запад от Шпрее и переправ. Пехотные командиры тоже сообщали о благополучном продвижении вперёд. Надо было докладывать Верховному.

ВЧ действовала бесперебойно. Сталин тут же ответил. Коротко доложил: войска наступают, танковые армии переправились через Шпрее и начали отрываться от общевойсковых и выдвигаются в оперативную глубину в северо-западном направлении...

Верховный вдруг прервал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Конев: “Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?”

Выслушав вопрос Сталина, я доложил своё мнение:

— Товарищ Сталин, это займёт много времени и внесёт большое замешательство. Перебрасывать в осуществлённый нами прорыв танковые войска 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин”.

Маршал понял: вот он, его звёздный час! Пропускать через свои порядки ударные силы соседа... Зачем? Мы и сами с усами! Танковые армии свежие. На броне — порядочный запас горючего. Полный боекомплект в “чемоданах”. Так что — вперёд, орлы!

А орлы и впрямь летели вперёд почти без помех. Две общевойсковые армии на грузовиках, бронетранспортёрах, на гужевом транспорте и на броне танков и самоходок поддержки шли следом. Впереди был Берлин.

Верховный спросил, куда Конев думает повернуть свои ударные части? Конев тут же ответил:

— Ориентир — Цоссен. Двадцать километров южнее Берлина.

— Вы по какой карте докладываете?

— По двухсоттысячной.

Последовала пауза — Верховный искал на карте Цоссен. Вскоре ответил:

— Очень хорошо. Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин.

Этот диалог я воспроизвёл по мемуарам маршал Конева. Некоторые историки, склонные к проповеди исключительной роли в Берлинской операции маршала Жукова как некой догмы, ставят под сомнение сам факт этого разговора либо его главный смысл. Вообще-то маршал Конев во лжи и неточностях такого рода не замечен. Книгу “Сорок пятый” Жуков прочитал внимательно. Говорят, возмущался. Но чем, неизвестно. Возмущался в кругу семьи. Может, домашние впоследствии не совсем точно передали его эмоциональную реакцию. Во всяком случае, нигде в печати Жуков ни сразу по прочтении, ни потом о мемуарных неточностях Конева не упомянул. В “Воспоминаниях и размышлениях” подтвердил точность памяти своего боевого товарища: “Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И. В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И. С. Конева по этому вопросу,

сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда всё было ещё так свежо в памяти. “Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идёт успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: “У Жукова идёт туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке”.

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина.

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы”.

Письменные приказы командующие танковыми армиями получили уже в пути.

“Во исполнение приказа Верховного Главнокомандования приказываю командарму 3 гв. ТА:

1. В течение ночи с 17 на 18.4.45 г<ода> форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южн. Окраина Берлин.

Задача армии в ночь с 20 на 21.4.45 г<ода> ворваться в город Берлин с юга.

2. Командарму 4 гв. ТА в течение ночи с 17 на 18.4.45 г<ода> форсировать р. Шпрее севернее Шпремберг и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребкау, Калау, Даме, Лукенвальде.

Задача армии к исходу 20.4.45 г<ода> овладеть районом Беелитц, Тройенбритцен, Лукенвальде.

В ночь с 20 на 21.4.45 г<ода> овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина.

При повороте армии на Потсдам, район Тройенбритцен обеспечить 5 км. Вести разведку в направлении: Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперёд.

Города и крупные населённые пункты обходить и не ввязываться в тяжёлые фронтальные бои.

Требую твёрдо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3 приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад”.

В ночь с 17 на 18 апреля танковые армии 1-го Украинского фронта произвели свой “дворот” на Берлин.

Конев: “Я верил в успех этого маневра”.

И успех был. Коневцы едва ли не раньше передовых частей 1-го Белорусского фронта ворвались в Берлин.

Но вначале был марш танковых колонн на север.

Вечером 20 апреля Конев отдал очередной приказ своим танковым командирам: “Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми.

Исполнение донести.

Конев. Крайнюков”.

Приказ этот на военный не похож ни с какой стороны. Он и не мог быть таковым.

Почти в эти же часы севернее другой маршал писал подобный приказ своим танковым генералам: “2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и не медля донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков. Телегин”.

Что ж, всё верно, в Берлине маршалы решали уже не военные, а исторические задачи. Но солдатам суждено было умирать и за это. Чьи-то семьи не дождалась сына, брата, мужа, отца...

Кто думал об этом, когда решалась судьба Европы и всего мира? Чья-то маленькая жизнь, растерзанная пулемётной очередью на берлинских камнях... Солдаты лучших бригад перепрыгивали через тела своих товарищей и шли дальше, неся в глубину горящего города зачехленные знамена победы. Судьба же осенит только одно.

У нас есть возможность сравнить оба исторических приказа маршалов. У Конева более строгий, наиболее приближенный к обычному стилю военных документов. У Жукова более пафосный.

И тот, и другой уже тогда, ночью с 20-го на 21-е, когда их танки почти одновременно достигли внешнего Берлинского оборонительного обвода, почувствовали, что сияющая тень Победы легла на их плечи и их наступающие войска.

Но пока ещё и тот, и другой продвигались вперёд с трудом. Жуков лез напролом через Зееловские высоты. Конев вынужден был вести напряжённые бои сразу с тремя группировками немцев. На севере продолжались бои в районе Котбуса. На юге, на дрезденском направлении, противник контраковал, и даже был момент, когда его танки с пехотой вышли на тылы 52-й армии генерала Коротеева и потеснили порядки 2-й армии Войска Польского. Конев тут же направил туда начальника штаба генерала Петрова. Положение вскоре выправили. В центре добивали остатки группировки, пытавшейся удержаться в районе Шпремберга. Бои с центральной группировкой задержали продвижение танковых армий на Берлин почти на сутки. Для 1-го Украинского фронта и лично для Конева эти сутки оказались роковыми.

Всячески подстёгивая генерала Рыбалко, Конев 20 апреля во второй половине дня направляет ему боевое распоряжение: “Опять двигаешься кишкой. Одна бригада дерётся — вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Лукенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развёрнутым боевым порядком. Смелее маневр по преодолению рубежа Барут. Исполнение донести”.

Каналы. Взорванные мосты. Противотанковые орудия и одиночные танки в засадах вдоль дорог. Зенитки, поставленные на прямую наводку. Минные поля. Фаустники, бьющие в упор из каждого полуподвального окна. Всё это, конечно же, замедляло движение. Вдобавок ко всему резервы, перебрасываемые противником уже из самого Берлина, тут же бросались в контратаку.

Конев постоянно торопил свои авангарды: смелее маневр! Энергичнее действовать!

22 апреля танки Рыбалко ускорили темп своего продвижения. Выведенный из второго эшелона 9-й механизированный корпус генерала Сухова стремительно вырвался вперёд, перерезал круговую Берлинскую автостраду и на широком фронте вышел к Тельтов-каналу. Это был уже по существу юго-запад Берлина. Попытка с ходу форсировать канал не удалась. Но вскоре корпус усилили 61-й стрелковой дивизией 28-й армии. И утром 24 апреля танки и пехота с боем перелезли через канал, прорвали оборону по его периметру и вклинились в юго-западные кварталы Берлина. 25 апреля генерал Рыбалко докладывал Коневу: “Войска армии, форсировав канал Тельтов, развернулись на фронте 10 км, охватывая Берлин с юго-запада, там, где противник менее всего ожидал наше наступление и менее всего был подготовлен к обороне. Выходом во фланг обороне противника в Штеглиц была решена участь этого района”.

Этим маневром войска Конева блокировали 9-ю армию, которая стремилась прорваться в Берлин и усилить гарнизон. В бой были брошены остальные дивизии 28-й армии генерала Лучинского.

Дивизии 28-й армии были истрепаны боями под Кенигсбергом. В полках едва насчитывалось по батальону активных штыков. Но, как говорят, за одного битого двух небитых дают. Лучинский развернул свои части фронтом на восток, чтобы прикрыть берлинское и цоссенское направления и не пустить 9-ю армию на усиление гарнизона.

23 апреля наступило временное затишье. Войска проводили перегруппировку. Отдыхали после длительного марша. Танковые корпуса и бригады получали пехотный десант, так как двигаться в глубину города по узким улоч-

кам, где за каждым углом, в каждой щели и полуподвале сидел фаустник, было нельзя.

Командиры подсчитывали потери.

С 10 по 20 апреля армии 1-го Украинского фронта, включая 6-ю, которая по-прежнему удерживала периметр вокруг города-крепости Бреслау, составили:

убитыми — 6024 человека;

ранеными — 25 204 человека;

пропавшими без вести — 310 человек;

заболело (с эвакуацией в госпиталь) — 2442 человека;

небоевые потери — 467 человек.

Итого: 34 447 человек.

Потери бронетехники в начальный период Берлинской операции составили: 179 танков и 85 САУ всех типов.

Для сравнения стоит заглянуть в статистические подсчёты потерь 1-го Белорусского фронта. Только одна 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова — героя штурма Берлина — потеряла около 13 000 человек убитыми и ранеными. С 16 по 22 апреля потеряно сгоревшими, подбитыми и вышедшими из строя по другим причинам 1 156 танков и САУ.

Дорого маршал Жуков оплатил преодоление Зееловских высот и “позицию Вотан”!

24 апреля 12-я армия генерала Венка, на которого Гитлер, запертый в подземном бункере рейхсканцелярии, возлагал последние надежды, атаковала. Её удар пришёлся на позиции 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова и 13-й армии. Отчаянные атаки прорывающихся в центр города немцев были отбиты.

В полдень 24 апреля авангарды 4-й гвардейской танковой армии и пехота 28-й армии встретились с частями 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта.

Конев вздохнул с облегчением: 9-я армия Буссе полностью блокирована от берлинской группировки, и теперь её оставалось дожать в полной изоляции. Для того, чтобы с окружёнными покончить как можно быстрее, Конев дал поручение генералу Варенцову помочь Лучинскому и Сухову тяжёлой артиллерией. Здесь, на земле заклётого врага, который до самой Москвы разрушил города и выжег деревни его родины, тяжёлых снарядов для артиллерии большой мощности он приказал не жалеть. Но вначале обработать наглухо замкнутый котёл он приказал командиру штурмового авиационного корпуса генералу Рязанову. Рязанова Конев знал давно, ещё по Степному фронту.

Все эти дни Конев находился на КП командующего 13-й армией генерала Пухова.

Генерал Жадов, командир 5-й гвардейской армии, доложил: его корпуса, 34-й и 32-й и танки 4-го гвардейского корпуса Полубоярова достигли Эльбы. Ждут союзников.

Лелюшенко вскоре доложил о том, что 6-й механизированным корпусом форсировал Хавель юго-восточнее Потсдама и соединился с частями 328-й стрелковой дивизии 47-й армии генерала Перхоровича из 1-го Белорусского фронта.

Всё, Берлин охвачен. Оставалось одно — заканчивать войну, и как можно скорее. А для этого необходимо добить берлинскую группировку. Потому что сдаваться немцы не хотят.

В полночь доложил Глуздовский: снова просил разрешения на штурм Бреслау. Его армия была гораздо меньше группировки, окружённой в городе. Правда, у 6-й, к счастью, было достаточно артиллерии. А также некоторое количество танков и самоходок, которыми Глуздовский постоянно маневрировал, создавая видимость, что, в случае попытки прорыва противника за стенами ждёт гибель. Танков немцы боялись. Но ультиматум о сдаче снова отвергли. Атаку, о которой вот уже несколько дней подряд настойчиво запрашивал командарм-6, Конев не разрешил.

Бои на улицах Берлина требовали особой тактики.

Конев: “Жестокая борьба, в которой один штурм сменялся другим, требовала от нас создания специальной боевой организации — штурмовых отрядов. В каждый такой отряд во время боёв за Берлин входило от взвода до роты пехоты, три-четыре танка, две-три самоходки, две-три установки тяжёлой реактивной артиллерии, группа сапёров с мощными подрывными средствами (а они, надо сказать, играли во время боёв в Берлине особенно большую роль) и несколько орудий артиллерии сопровождения для работы прямой наводкой — 85- и 122-миллиметровые пушки, а также 152- и 203-миллиметровые пушки-гаубицы.

Чем дальше, тем всё крепче и органичнее соединяли мы танкистов с пехотой. Танк в условиях городских боёв поставлен в трудное положение. У него ограниченная видимость, особенно на узких улицах, в густонаселённых кварталах. А пехота видит шире, и во многих случаях она выручала танкистов. При всём мужестве, танкисты сами по себе не в состоянии были добиться решительного успеха в уличных боях”.

25 апреля в Берлине шли уличные бои. Они отличались особой жестокостью и особым упорством. Очень часто схватки перерастали в рукопашные. 8-я гвардейская армия Чуйкова прорвалась в юго-восточную часть центра города. 3-я гвардейская Рыбалко штурмовала кварталы Мариендорфа. Усиленные десантом стрелковых дивизий Лучинского, танковые бригады Рыбалко продвигались навстречу 2-й танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта.

В этот и последующие дни встречи войск соседних фронтов происходили часто. Армии, корпуса, дивизии, полки и батальоны фронтов шли бок о бок, иногда перемешивались. Чаще они помогали друг другу, но иногда и лупили по своим.

К сожалению, командующие фронтами и их штабы вовремя не смогли предусмотреть такой вариант действий. Верховный, понимая, что “соревнование” маршалов и их войск может привести к тяжёлым последствиям в финальной битве, принял решение, наконец, определить разграничительную линию:

“Директива Ставки ВГК № 11077 командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении разграничительной линии 28 апреля 1945 г. 21.20

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. С 24.00 28.04.1945 г. установить следующую разграничительную линию в Берлине между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами: до Мариендорфа — прежняя, затем ст. Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, ст. Савиньи, далее по железной дороге на ст. Шарлоттенбург, ст. Весткройц, ст. Рулебен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно). 2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин
А. Антонов”.

Как жаль было танкистам Рыбалко поворачивать от Тиргартена и сдавать свои позиции частям 1-го Белорусского фронта, когда до Рейхстага оставалось всего ничего — несколько сот метров.

Конев: “Каждый, кто воевал, поймёт, как психологически трудно было Павлу Семёновичу выводить своих танкистов за установленную линию.

И в самом деле: они первыми вошли в прорыв, первыми повернули к Берлину, захватили Цоссен, форсировали Тельтов-канал, с окраин Берлина после жесточайших и кровопролитных боёв прорвались к его центру и вдруг в разгаре последней битвы получили приказ сдать свой участок соседу. Легко ли пережить это?

Конечно, приказ есть приказ, и его, разумеется, необходимо безоговорочно выполнить. Он и был выполнен, но далось это нелегко”.

Спустя многие годы после битвы за Берлин маршал признается: “Войска 1-го Белорусского фронта к этому моменту уже не нуждались ни в чём содействии для выполнения поставленных задач”. Солдат в нём уже уступал

позиции дипломату. Понял: не судьба. И смирился. Побед и орденов ему хватало. Но в его признании — о, как он ценил подтекст! — сквозит: но был момент, когда Жуков очень даже нуждался в содействии соседа слева в выполнении поставленных задач. Детальные исследования Берлинской операции подтверждают: 1-й Белорусский фронт действительно неудачно начал операцию и замешкался на исходных, имел большие потери в живой силе и технике, кратковременная — всего 30 минут — артподготовка обернулась сверхусилиями и сверхпотерями для пехоты и танковых частей. И помощь 1-го Украинского фронта во многом решила исход всего сражения за Берлин.

Когда войска 1-го Белорусского фронта прорвались через Зееловские высоты, миновали линию внешних обводов и начали успешно углубляться в городские кварталы, нужды в помощи не стало. Тут Жуков начал нервничать, забрасывать Ставку телексами с требованием отвести войска соседа слева и *не мешать ему брать Берлин*. Что ж, всё верно, на его месте точно так же поступил бы любой другой маршал. Правда, прибегая к сослагательному наклонению, надо иметь в виду, что на его месте мог быть только тот, кого хотел видеть Маршалом Победы Верховный.

Война превращается в политику очень скоро. А для солдата — незаметно. Он ещё воюет, рискует жизнью, идёт в атаку на последний рубеж, а в спину ему глядят уже другие глаза — того, кто будет отдавать ему приказ...

25 апреля произошло ещё одно событие, которое история тоже поставило в ряд символов Второй мировой, — встреча с союзными войсками на реке Эльбе.

34-й гвардейский корпус генерала Бакланова встретил вышедшие на западный берег американские войска.

Позже состоялась торжественная встреча. Но пока войскам Конева необходимо было покончить с франкфуртско-губенской группировкой противника.

9-я армия генерала Буссе. Двести тысяч солдат и офицеров. Они пытались прорваться и соединиться с 12-й армией Венка. Немцы дрались до последнего. Погибали на ступеньках рейхсканцелярии и Рейхстага. Затем, когда всё уже начало рушиться, оборона рвалась и распадалась, самые упорные решили уйти из осаждённого города, чтобы сдать союзникам или раствориться в западных предместьях Берлина. И снова армии Конева начали испытывать давление немцев. Он выполнил и эту задачу: группировка генерала Вейдлинга так и не вышла из “логова”. Просочиться через боевые порядки наших войск удалось лишь мелким группам и одиночкам. Удача всегда сопутствует самым отчаянным и храбрым.

Бои в Берлине продолжались с той же ожесточенностью ещё несколько дней. Город сокрушали три армии 1-го Белорусского и две 1-го Украинского фронтов.

Глава тридцать четвертая

ПРАГА. ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

*“Исключительно маневренное
руководство войсками...”*

28 апреля Сталин позвонил Коневу и спросил:

— Как вы думаете, кто будет брать Прагу?

Конева застал этот вопрос врасплох. Но маршал тут же всё понял и ответил:

— Исходя из положения основных группировок и конфигурации фронта, Прагу, товарищ Сталин, видимо, придётся брать войскам Первого Украинского.

Конев чувствовал свои силы, знал, что войска фронта способны выполнить и этот маневр.

Через несколько дней командующий берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг, характеризуя действия советских войск, на допросе скажет: “Исключительно маневренное руководство войсками...”

Коневу пришлось маневрировать в эти жаркие дни и ночи берлинского сражения особенно энергично и широко. Такой задачи, с несколькими неизвестными (контрудары со стороны внешнего обвода и изнутри, а также ввод в бой резервных армий), не решал в эти дни, пожалуй, ни один из командующих фронтами. Вначале — успешный прорыв за артиллерийским валом, потом — свёртывание флангов 4-й танковой армии противника, затем — ввод танковых армий, как тогда говорили, “в игольное ушко”, и выход их на оперативный простор с “поворотом” на север, к Берлину, чтобы помочь замешкавшимся перед внешним обводом войскам соседа справа; рассечение немецкой группировки на три части с последующим уничтожением их; охват Берлина с юга и юго-запада и соединение с войсками 1-го Белорусского фронта. Эпопея!

И теперь предстояло схватиться с группировкой генерала Шернера, стоявшей против войск 2-го и 4-го Украинских фронтов.

Штаб фронта под руководством генерала Петрова тут же приступил к разработке пражской операции.

1 мая из штаба 1-го Белорусского фронта пришло известие: Гитлер покончил с собой. В своих мемуарах Конев об этом написал так: “Прошел слух об исчезновении Гитлера и его самоубийстве. До нас эти сведения дошли 1 мая из информации, полученной от 1-го Белорусского фронта”.

“Исчезновение”, а потом “самоубийство”... Есть над чем задуматься.

Далее Конев пишет: “Преемники Гитлера направили для переговоров в войска 1-го Белорусского фронта начальника штаба сухопутных войск генерала Кребса. Все вопросы, связанные с переговорами, прекращением военных действий в Берлине и последующей капитуляцией немецко-фашистских войск, по указанию Ставки решались командующим 1-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым. Командование и штаб 1-го Украинского фронта в проведении и завершении этих переговоров не участвовали, а только получали о них необходимую информацию. Хотя переговоры начались, тем не менее продолжались ожесточенные бои.

В полосе 1-го Украинского фронта армии Рыбалко и Лучинского в течение всего 1 мая очищали от противника районы Вильмерсдорфа и Халензее и заняли за этот день девяносто кварталов. 10-й гвардейский танковый корпус армии Лелюшенко и 350-я дивизия армии Пухова покончили с вражеской группировкой на острове Ванзее. Шесть тысяч неприятельских солдат и офицеров, переправившихся в ночь на 1 мая с острова на материк, были по частям уничтожены или пленены в расположении различных частей армии Лелюшенко”.

И снова в подтексте: мы так храбро сражались, в том числе и в берлинских кварталах, а представителя нашего фронта в штабе Жукова во время переговоров о капитуляции берлинского гарнизона не было, так что свои дальнейшие действия мы должны были согласовывать с той текущей информацией, которая поступала из штаба 1-го Белорусского фронта... И ещё можно прочесть в подтексте мемуаров: штаб Жукова принимал парламентариев и вёл разговоры о капитуляции, а мы в это время дрались, чтобы немецкая сторона в этих переговорах была более стоворчивой и расторопной в своём решении о сложении оружия...

Переговоры не принесли желаемых результатов. Немцы продолжили кровопролитие. Войска фронтов снова двинулись навстречу друг другу. В ночь на 2 мая в районе станции Савиньи танки генерала Рыбалко с пехотой сопровождения 28-й армии генерала Лучинского соединились с частями 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова 1-го Белорусского фронта. Одновременно, в ту же ночь, была проведена мощнейшая артподготовка по позициям немецкой обороны. Генерал Варенцов ввёл в дело орудия большой мощности. Они пробивали полутораметровые стены домов, разрушали всё, что в эту ночь оказалось на пути наших войск, действовавших в Берлине.

И немцы не выдержали. Они ждали атаки. И поспешили предупредить её.

Конев: “2 мая в два часа пятьдесят минут по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта приняла радиограмму от немцев на русском языке: “Алло, алло, говорит пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12 часам 50 минутам ночи по берлинскому времени высылаем парламентарёв на Потсдамский мост. Опознавательный знак: белый флаг на фоне красного цвета. Ждём ответа”.

На рассвете началась массовая капитуляция вражеских войск, а в шесть часов утра 2 мая перешёл линию фронта и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг”.

Вот и всё. Берлин взят. Война завершена. Штабы уже писали представления на Золотые Звёзды, на ордена и медали. Не обойдён был наградами и маршал Конев.

Но та разграничительная линия, которую так загадочно, в несколько приёмов, проводил Верховный, нарезая полосу наступления для фронтов, глубоко, до самого сердца, прорезала и судьбы маршалов.

А войска 1-го Украинского фронта, как ту лошадку, которая везёт, ждал ещё один маневр.

Прага.

Пред тем как бросить войска на юг, Конев отправил в Ставку последнее донесение с берлинских позиций: “Войска фронта сегодня, 2 мая 1945 года, после девятидневных уличных боёв, полностью овладели юго-западными и центральными районами города Берлин (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками Первого Белорусского фронта овладели городом Берлин”.

В этот же день коневцы начали сдавать свои участки войскам 1-го Белорусского фронта и выдвигаться к южным дорогам. Теперь все их дороги лежали в сторону чехословацкой границы.

Войска уже пошли. А у Конева 5 мая 1945 года произошла важная встреча, которая и в его личной судьбе, и в судьбе страны будет иметь некоторые последствия.

Встреча произошла на его командном пункте в сорока километрах северо-восточнее Торгау. Командующий 12-й армейской группой генерал Бредли прибыл в сопровождении офицеров своего штаба и полевых генералов, а также большой свиты репортёров. Такого ни Конев, ни его офицеры ещё не видели. Перед ними развёртывалась картина в стиле Запада.

Конев тоже оказался не в одиночестве. Но лишних людей не было. Командарм-5 генерал Жадов, командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Бакланов, офицеры штаба. Были и корреспонденты центральных и армейских газет. Приехал Константин Симонов. Но компания пишущей и фотографирующей братии с нашей стороны выглядела куда скромнее.

После войны маршал заметит, что “мы с Бредли были не дипломатами, а солдатами...” Быть может, именно поэтому и та встреча близ реки Эльбы, и другая, которая состоится вскоре, в качестве ответного визита, оказались такими тёплыми и почти трогательными.

Разговаривали о последних событиях в Берлине. О дислокации своих войск. Бредли достал свою карту с нанесёнными на неё отметками о положении его главных группировок. Условенная линия выхода войск обеих союзных сторон была соблюдена. Бредли вдруг спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? — И, не дожидаясь ответа, и словно поясняя мотив своего вопроса, который собеседнику мог показаться неожиданным, добавил: — Ваши танковые и пехотные части измотаны и, видимо, имеют серьёзные потери. Не следует ли пражскую операцию провести совместно?

— Сил у нас вполне достаточно, — ответил Конев через переводчика. — Необходимости в такой помощи нет. Тем более, вы должны понимать, что любое продвижение американских войск дальше к востоку от ранее обозначенной демаркационной линии может внести только путаницу, вызвать перемешивание войск. А это нежелательно.

— Да, — сказал Бредли, — подчинённые мне войска и впредь будут соблюдать установленную ранее линию соприкосновения.

Они поняли друг друга.

Потом поговорили о чём-то незначительном. И Бредли снова спросил:

— Как вы намерены брать Прагу? Там ведь Шернер.

Конев не собирался обсуждать план пражской операции даже в общих чертах. Понял, что американцам, видимо, тоже хочется войти в Прагу. Ищут лазейку? Конев отшутился. Больше на эту тему не заговаривали.

Начались тосты. Среди прочих слов, Конев выразил соболезнование по поводу кончины американского президента Франклина Рузвельта.

В ответном слове Бредли сказал о мужестве солдат и офицеров 1-го Украинского фронта, примеру которых следуют американские солдаты, офицеры и генералы.

Последующие тосты, а их оказалось много, были переведены в неофициальное русло. А потом вино потекло рекой. Омар Бредли потом вспоминал: “Русские офицеры встретили нас шумно и весело. Русская водка и тосты за победу...”.

После обеда — концерт. Выступал ансамбль песни и пляски 1-го Украинского фронта. Он был создан ещё в 43-м, в Киеве, тогда только что освобождённом, замечательной балериной и балетмейстером Лидией Чернышёвой. Ансамбль исполнил гимн Соединённых Штатов. Американцев это растрогало. Они встали и начали подпевать. Потом был исполнен гимн Советского Союза. Теперь громче пели “славяне”. Публика ликовала, когда артисты пустились на сцене в русский перепляс и украинский гопак. Артисты были в ударе. Концерт получился на славу.

Бредли наклонился к Коневу и сказал:

— Какой великолепный ансамбль! Откуда они здесь, на фронте?

— Все артисты — это наши солдаты, — ответил Конев. — Все они прошли с войсками путь от Днепра до Эльбы.

Состав ансамбля действительно на девяносто процентов состоял из военнослужащих 1-го Украинского фронта. Но Бредли не поверил. Выслушал перевод, усмехнулся, но ничего не сказал.

После концерта Бредли от имени Президента США вручил Коневу орден “Легион Почёта” степени Командующего. Поздравил и обнял. Конев вручил американцу красное знамя — символ дружбы. Бредли подарок принял. Но, видимо, не знал, что с ним делать.

Подарки продолжались.

Бредли подарил Коневу “виллис” с надписью: “Командующему Первой Украинской группы армий от солдат американских войск 12-й группы армий”. Кстати, маршал его сохранит: “виллис” будет долго стоять в гараже на даче. Конев на нём не ездил. Машина стояла, пока не подросла младшая дочь Наташа. Она быстро освоила импортную машину и лихо гоняла на ней по дачному посёлку.

Конев подарил Бредли своего строевого коня. Вот этому подарку американский генерал обрадовался.

Конь был дорог Коневу. Завёл он его ещё в 43-м, на Степном фронте. Выезжал редко: болело колено после давней травмы.

Конев: “Это был красивый, хорошо выезженный донской жеребец. Я подарил его со всей экипировкой...”

Бредли расчувствовался, польщённый таким роскошным подарком, и вручил Коневу карабин “Манлихер”.

С карабином Конев после войны будет частенько выезжать на охоту.

Конев подарил Бредли пистолет, украшенный резьбой.

Во время ответного визита в Висбадене Конев вручил генералу Бредли орден Суворова 1-й степени.

О русском полководце, не знавшем поражений, Александре Васильевиче Суворове американец ничего не слышал. Конев рассказал о Суворове. Упомянул и том, что орден Суворова — высший полководческий орден в Красной Армии. Рассказывая о своём славном соотечественнике, Конев особо остановился на швейцарском походе и итальянской кампании.

После обеда — концерт. На этот раз русский маршал и американский генерал слушали скрипачей. Играли они превосходно. Оба были одеты в форму солдат американской армии. Но маршал, старый солдат, сразу заметил, что форма на них сидит как-то мешковато.

Восхищаясь игрой скрипачей, он спросил:

— Кто они? Так прекрасно играют!

— Ничего особенного, — ответил Бредли и усмехнулся. — Они — простые американские солдаты.

Бредли был убеждён, что вернул своему русскому коллеге его шутку.

О войне и войсках больше не говорили. О Праге тоже.

Конев внимательно присматривался к американцу. Думал: неужели он будет моим врагом на поле боя? В штабах ходили разные разговоры. Вспомнил: американские солдаты очень любили своего генерала и называли его “генерал джи-ай” — “солдатский генерал”. Нечто подобное от своих солдат и офицеров он слышал о себе.

Конев в этой поездке поразило вот что. От Лейпцига до Касселя летели на личном самолёте командующего 12-й армейской группой. Их “СИ-47” сопровождали истребители ВВС США. Две эскадрильи. Хотя для сопровождения достаточно было и одной. Вышколенные пилоты мастерски перестраивались в воздухе, демонстрируя высший класс пилотажа. Когда “СИ-47” приземлился и его пассажиры вышли на газон аэродрома, обе эскадрильи эффектно, на разных высотах, ушли за горизонт.

Говорят, английский премьер Уинстон Черчилль в эти дни настаивал перед американцами на авиационном ударе по передовым частям Красной Армии. Атака должна была состояться именно в этот период, когда советские войска только-только захватили Берлин и готовились к походу на Прагу. Американцы, всё ещё верные заветам Рузвельта, не разделяли агрессивности англичан и старались придерживаться союзнических обязательств.

Но атмосфера уже менялась.

В нынешней прессе нет-нет да и появляются публикации о том, что в начале мая 45-го над линией соприкосновения порой возникали воздушные схватки советских и американских истребителей. Иван Кожедуб сбил двух “мустангов”, когда один из них по ошибке открыл по его машине заградительный огонь. Один из сбитых пилотов выбросился с парашютом. Самолёт другого, к сожалению, взорвался в воздухе, лётчик погиб.

Уже когда вернулись в штаб, водитель обнаружил, что багажник “виллиса” битком набит американскими сигаретами. Это было кстати — Конев много курил. Американские сигареты были, конечно, послабей “Герцеговины флор”, но ничего, годились и они. Большую часть он всё же сразу раздал офицерам и солдатам.

Подарки подарками, а в голове, как старая контузия, гудело: “Прага...”

Тем временем в Чехословакии войска трёх Украинских фронтов зажали в клещи почти полуторамиллионную группировку генерал-фельдмаршала Шернера. Для сравнения: заблокированная и пленённая союзными армиями в Рурском промышленном районе немецкая группировка насчитывала 325 000 человек. О ней принято писать как о масштабной и весьма удачной операции союзнических войск во Второй мировой войне. О Пражской же операции обычно говорят, как о марше армий 1-го Украинского фронта по шоссейным дорогам в сторону столицы Чехословакии...

На некоторых участках глубина обороны противника составляла восемнадцать и более километров.

Для того чтобы с ходу пробить эту стену, Конев создал ударную группировку, в которую вошли три общевойсковых армии и две танковые. Лучшие части.

По пути к Праге разделили немецкую группировку, которая всё ещё сидела в Дрездене и прилегающем районе. Об этом — в следующей главе.

Пражский маневр был выполнен Коневым блестяще.

Но в самой Пражской наступательной операции есть некая тайна, которая открывается очень медленно.

Танки генералов Рыбалко и Лелюшенко неслись к столице Чехословакии, “золотой” Праге, на всех скоростях. Десять танковых корпусов — тысяча шестьсот боевых машин — сотрясали землю, крошили покрытие дорог, сокрушали оборону, которая вставала на пути, оставляя в тылу немецкие гарнизоны, которые находились в стороне от главных дорог. Они были заботой вторых эшелонов.

Кейтель подписал капитуляцию. Произошло это в штабе верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала армии Эйзенхауэра. Подписав акт о капитуляции Германии, Кейтель направил соответствующий приказ генерал-фельдмаршалу Шернеру в группу армий “Центр”. Но Шернер приказа не выполнил и оружие не сложил.

Бои продолжались. Немцы начали отходить на запад, к союзникам. “Не дай Бог попасть в плен к русским!” — сказал один немецкий генерал. Он выразил чувства всех остальных.

8 мая на рассвете танки 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Ермакова (4-я гвардейская танковая армия) застигли на дороге близ Жатеца колонну немецких машин и бронетехники. С ходу её уничтожили и двинулись дальше. Это был штаб фельдмаршала Шернера. Танкисты этого даже не знали. Только спустя некоторое время выяснилось, что они, в сущности, решили судьбу группировки и исход боёв. Управление окружёнными войсками прекратилось. Сам Шернер, оставшись без штаба, переделся в штатское и ушёл в горы.

9 мая, когда все праздновали Победу, танки Конева подошли к Праге. Там, как ему доложили, всюду бушевало восстание.

Конев, очень осторожный в высказываниях и оценках, однако, зашифровал в подтексте нечто, что нужно читать через особую линзу: “У восставших были свои особенности и противоречия; в нём участвовали различные социальные силы. Восстание усугубило и без того критическое положение немцев в Чехословакии. (...) Весь этот сложный узел был разрублен нашими танкистами, ворвавшимися в три часа утра 9 мая на улицы Праги”.

Толстой однажды сказал: “Ясность — удовольствие ума”. Мемуары маршала Конева ясны и потому хороши. Но, конечно же, всю правду бывший командующий войсками 1-го Украинского фронта написать не мог. Но намеркнул. Все страницы мемуарной книги “Сорок пятый” написаны с солдатской прямотой и ясностью. Но в главе о Пражской наступательной операции целый абзац, касающийся пражского восстания, этой привычной для автора ясности начисто лишён.

Всё дело в том, что до танков Рыбалко и Лелюшенко в Прагу, по просьбе восставших, вошла 1-я дивизия РОА полковника Буняченко. Она вступила в бой с подразделениями СС, которые уже дожимали восставших чехов. Русские батальоны заняли пражские кварталы Зличин, Петршин, Рузыне, а также аэродром, где ими были захвачены несколько самолётов. Шли бои в Страшницах, Панкраце.

6 мая Буняченко ввёл свои полки в Прагу, а уже 7-го числа на заседании Временного чешского правительства, когда стало известно, что к городу приближаются советские войска, настроение восставших резко изменилось. Генералу Буняченко, пришедшему на переговоры с правительством новой Чехословакии, сказали: “Зачем вы пришли в Прагу? Штаб восстания — это не чешский народ... Уходите. Вы для нас такие же враги, как и немцы”.

Дивизия русских коллаборационистов, которых в народе обычно называют более понятным словом — предатели родины, вынуждена была покинуть Прагу. И в город снова начали входить части СС генерала Туссена. Но — ненадолго. Уже 8 мая 1945 года генерал Туссен подписал капитуляцию перед войсками 1-го Украинского фронта.

Прага встречала Красную Армию.

Стояла весна. Вовсю цвела сирень. И букетами свежей сирени восторженные пражане буквально заваливали солдат и офицеров 1-го Украинского фронта.

Чехи, конечно же, праздновали свою победу. В это время они начали массовое изгнание со своих земель судетских и силезских немцев. Всё это со-

провождалось мародёрством, насилием, унижением человеческого достоинства и убийствами. Как всегда, в таких случаях страдают ни в чём не повинные и совершенно незащитные люди. Такова человеческая природа.

Вот строки из политдонесения политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 года “Об отношении чехословацкого населения к немцам”:
“За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах. Всё это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которую питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные ими преступления. Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами”.

После войны в ФРГ была создана Научная комиссия Федерального Собрания Правительства ФРГ по сбору материалов о геноциде немцев в 1945 и 1946 годах со стороны местного населения Польши, Чехословакии, СССР в так называемых “районах изгнания”. В документах Комиссии среди прочих есть свидетельские показания Вильгельма Миттага, высленного из Судетской области. Миттаг работал вместе с немецкими военнопленными, многие из которых тоже были судетскими немцами. Вот запись его наблюдения за нравами чехов: “Один пленный достал из посеребрённого портсигара сигарету. С дороги это увидел чех, подскочил к военнопленному, отобрал у него портсигар, кулаком несколько раз ударил его по лицу и обругал пленного. Русский часовой заметил это, подошёл с автоматом наперевес к чеху и заставил его вернуть портсигар пленному. Потом он дал чеху пинка ногой и сказал: “Это — немецкий солдат, а ты — скотина!”

“Славяне”, конечно же, не были святыми. И Конев это отлично знал. А потому перед вступлением на немецкие земли 27 января 1945 года издал приказ, повторив приказ Верховного, постушивший в штаб фронта неделей раньше, который назывался “О поведении на территории Германии”. Приказ гласил: “Офицеры и красноармейцы! Мы идём в страну противника. Каждый должен хранить самообладание, каждый должен быть храбрым... Оставшееся население на завоёванных областях, независимо от того, немец ли, чех ли, поляк ли, не должно подвергаться насилию. Виновные будут наказаны по законам военного времени. На завоёванной территории не позволяются половые связи с женским полом. За насилие и изнасилования виновные будут расстреляны”.

Что и говорить, приказ в войска пришёл нерадостный. В ротях и частях его зачитали в дни окончания жестоких боёв в Силезии, когда офицеры уже посматривали в бинокли в сторону немецких городов.

Командующий фронта был человеком конкретным. Знал, что заразу, которая начала разлагать войска, надо выжигать калёным железом. В приказе говорилось, в частности, о том, что в ходе проверки, проведённой в одной из танковых частей, выявлены танки, забитые награбленным барахлом до такой степени, что в них не оставалось места для экипажа.

Настало время стать жестоким. И он стал жестоким. Фронтвики рассказывали, что, когда армии хлынули в Германию, начались повальные грабежи и насилия. Но там, где командиры проявляли строгость и держали “славян” в узде, случаи потери самообладания были единичными и не выходили за пределы обычной статистики. Ходила по фронтам и такая байка, что мол, на I-м Украинском за мародёрство и насилие перед строем расстреляны сразу сорок солдат и офицеров. Однако фронтовая молва, которая приписывала маршалу Коневу особую жестокость по отношению к мародёрам и насильникам, командующего не осуждала. Солдаты ступили на землю народа, армия которого разорила полстраны, пожгла их дома, растерзала детей и стариков, насилвала жён и сестёр. Из человека выскочил зверь. Надо было его загонять обратно.

Поэт и художник Л. Н. Рабичев, бывший офицер-связист 31-й армии, в своей книге “Война всё спешет” рассказал о жутких сценах, очевидцем ко-

торых ему довелось стать во время вхождения армии в Восточную Пруссию. “В апреле месяце, — пишет он, — моя 31-я армия была переброшена на Первый Украинский фронт в Силезию, на Данцигское направление. На второй день по приказу маршала Конева было перед строем расстреляно сорок советских солдат и офицеров, и ни одного случая изнасилования и убийства мирного населения больше в Силезии не было. Почему этого же не сделал генерал армии Черняховский в Восточной Пруссии?”

В Чехословакии прекратить насилие было сложнее. Хозяевами здесь были чехи.

Когда штабной кортеж командующего мчался по шоссе к Праге, навстречу нескончаемой колонной двигались пленные немецкие солдаты и офицеры — то, что ещё несколько часов назад было “армией Шернера”. Вместе с ними, в той же колонне, на тележках везли свой скарб и детей судетские и силезские немцы. Начинался исход ещё одного народа. Горе побеждённым...

Прага была наполнена шумом ликующих толп и запахом сирени.

Конев пережил в эти дни тот восторг, который, как ему казалось, уже пережит им давно, в юности, когда был влюблён и мечтал о личном счастье. Рядом с ним в машине ехала Антонина Васильевна, Тоня. Он был влюблён и знал, что она отвечает ему тем же искренним чувством. Знал он и то, что это не фронтовая любовь, а — навсегда.

Победа... Пражская сирень... Глаза Антонины... Всё это волновало и переполняло душу.

А в мемуарах об этом дне в Праге он написал: “И скажу честно, одним из первых и самых сильных желаний этого дня было желание выспаться, и мысль, что, наконец, это, видимо, будет возможно, если не сегодня, то хотя бы вскоре”.

Назначил коменданта. Отдал распоряжение: кормить людей — на площадях, на улицах, у дорог. Кормить из солдатского котла всех, в том числе пленных.

В один из этих дней ему доложили: захвачен генерал Власов. Никакого интереса к бывшему генералу Красной Армии Конев не проявил. Генерал Петров, когда остались одни, заметил:

— А ведь в сорок первом был героем, защитником Москвы. В газетах печатались его портреты с восторженными заголовками.

Конев ничего не ответил.

С 5 по 9 мая 1945 года во время пражских боёв погибло около 1500 чехов из числа повстанцев. За свою свободу они заплатили дорого. Около 1000 немцев. Около 300 бойцов РОА. И 500 солдат и офицеров из войск маршала Конева. Похоронены они на Ольшанском кладбище.

После войны маршал приезжал сюда не раз. И всегда заходил на Ольшанское кладбище, чтобы поклониться своим чудо-богатырям из ударной пражской группировки.

Глава тридцать пятая

ШЕДЕВРЫ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЕРЕИ И ДРУГИЕ ТРОФЕИ

“Но вы же маршал, а не “Мадонна...”

Дрезден был взят по пути к Праге.

6 мая в 18.10 по московскому времени командующий 5-й гвардейской армией генерал Жадов получил короткий и ясный приказ Конева: “Светлого времени не терять, начать наступление немедленно. Исходное положение для наступления занимать с ходу”.

Дрезден — это, прежде всего, Цвингер. Цвингером в старину именовали пространство между внешней и внутренней крепостными стенами города. Именно там и были построены здания, ставшие знаменитой Дрезденской галереей. В галерее хранились шедевры старых мастеров, гордость Европы.

Всего около 750 полотен. Среди них “Спящая Венера” Джорджоне, “Портрет молодого человека” Дюрера, “Динарий кесаря” Тициана, “Охота на вепря” Рубенса, “Блудный сын в таверне” Рембрандта, “Девушка, читающая письмо у открытого окна” Вермеера. И шедевр шедевров — “Сикстинская мадонна” Рафаэля. Кроме того, в собрании находились уникальные нумизматические коллекции, собрания фарфора, древней скульптуры.

Перед атакой Конев предупредил Жадова, чтобы, по мере приближения к Дрездену, поменьше воли давал артиллеристам, а орудия большой мощности вообще не выводил на огневые.

Дрезден, как известно, основательно пострадал во время массированного налёта авиации союзников в ночь на 14 февраля 1945 года. Тогда две тысячи английских и американских бомбардировщиков практически стёрли с лица земли “город искусств”, Северную Флоренцию, вместе с его жителями. Дрезден считался открытым городом. По международному праву, его не должны были бомбить. Поэтому именно в Дрезден со всей Германии свозили детей. Руины, как вспоминали чудом выжившие, горели ещё пять суток. А смрад десятков тысяч погибших под развалинами стоял до середины лета. Сейчас на Западе об этом принято помалкивать. (Это — к вопросу о том, как любить правду истории у них).

Жадов тут же отдал приказание своим командирам корпусов, генералам Родимцеву и Бакланову, “сделать всё возможное, чтобы уберечь его от новых бессмысленных разрушений”.

По приказу генерала Родимцева в город пошли три парламентаря, три офицера с белым флагом. Несколько раз их обстреляли. Но стреляли для острастки. Одной очередью перебили древко белого флага. Фамилии тех от важных офицеров, которые тоже пошли под пули с желанием не допустить в городе-музее новых разрушений: Собко, Артёмово, Обуховский. Офицеры вернулись невредимыми, но и переговоров не получилось. Немецкий офицер, встретивший их, сказал, что комендант города Дрезден убыл в неизвестном направлении, и ультиматум не принял. Стало ясно, что капитулировать немцы не хотят.

Не хотят — так не хотят...

Впоследствии генерал Жадов в своих мемуарах напишет: “Артиллерия и миномёты вели огонь только по наблюдаемым целям...” Это было правдой. Приказы Конева в войсках исполнялись точно и беспрекословно, так как командующий умел и спросить, если что-то шло не так.

Старая парковая часть города — Цвингер — была очищена от немцев 8 мая. Жадов тут же доложил Коневу:

— Остатки гарнизона сдаются в плен. Отдельные очаги сопротивления блокируются и уничтожаются без применения артиллерии.

— Что с Дрезденской галереей? — спросил Конев.

Командарм-5 доложил:

— Пока ничего определённого доложить не могу. Район Цвингера разрушен. Немцы страшно напуганы и ничего пока рассказать не могут или не хотят. Есть предположение, что художественные ценности вывезены из города.

— Немедленно организуйте поиск сокровищ Дрезденской галереи, — последовал приказ маршала.

Старую штольню, где хранились полотна Тициана и Веронезе, обнаружили сапёры командира 164-го отдельного батальона майора Перевозчикова. С ними работал капитан Орехов из штаба дивизии. Он знал толк в живописи, разбирался в ней. С Вислы носил в своей полевой сумке путеводитель по Дрездену и его музеям. И вот трофей, подобранный им где-то по пути сюда, пригодился.

В старых штольнях сапёры майора Перевозчикова обнаружили ящики. В ящиках — старинные статуэтки, переложенные брусками взрывчатки, картотека, снова музейные предметы, и снова тол.

Один из участников поисков сокровищ Дрезденской галереи впоследствии вспоминал: “Мы открываем дверь. Прямо против двери — плоский некрашенный ящик, уходящий под самую крышу. Справа у стены тускло блеснуло золото массивной лепной рамы. Это был знаменитый “Автопортрет

с Саскией” Рембрандта. Там же находился другой холст Рембрандта — “Похищение Ганимеда”, “Спящая Венера” Джорджоне, “Святая Инесса” испанского художника Рибера, “Возвращение Дианы с охоты” Рубенса”.

Некоторые картины стояли и лежали навалом. В штольне было сыро, и многие холсты уже напитались влагой. К тому же не работала вентиляция. Ещё бы несколько дней...

Но солдаты и офицеры выполняли приказ командующего. С ними работали специалисты, художники и искусствоведы, двигавшиеся вслед за войсками. Действовал приказ по розыску и возвращению на родину похищенных во время оккупации территории Советского Союза культурных и художественных ценностей.

А вот что писал очевидец о том, как была обнаружена “Мадонна”: “Опустив ящик на пол, мы сняли крышку, войлочные амортизаторы, в которых была зажата картина по периметру. Поднимаем холст. Перед нами босоногая женщина, легко идущая по клубящимся облакам. Это была одна из величайших картин, когда-либо созданных человеком, — “Сикстинская мадонна” Рафаэля”.

У “Мадонны” была выставлена особая охрана. Но вначале солдатам разрешили вдоволь полюбоваться ею. Разговоров об этой картине ходило много. Нашли её не сразу. И всем было интересно, что же это за мадонна такая, что её разыскивает целый батальон и почти взвод офицеров и специалистов из Москвы. Потом картину вместе с рамой опустили в ящик и ящик закрыли.

Искать сокровища Дрезденской галереи прибыли многие специалисты. Среди них реставраторы С. Чураков и М. Володин. Вот что они рассказывали о своей поездке в Дрезден в мае 45-го: “Была весна. Нас поразило, что даже в бетонном царстве посадочных и взлётных полос, в швах плит дерзко зеленела молодая трава, цвели одуванчики. Крутом валялись пустые гильзы патронов. Бетон был усыпан осколками снарядов. Рядом с нами в поле уткнулся носом обгоревший фашистский самолёт. Пахло гарью. К огромной воронке вереницей тянулись немки с ведрами: пришли по воду.

Столица рейха еще горела. Слышались взрывы. Где-то что-то ухало, скрежетало. Но весна брала своё.

Дорога на Дрезден. Горят леса. Автобан разбит. Мосты взорваны. Кругом кладбище техники. Дым ест глаза. И как необычайный контраст — наши девчата-регулирующие с флажками и автоматами. Одни среди просторов полей. Куда-то брели немцы. Порою попадалась обычная телега, на ней флажки французские, бельгийские, голландские. Люди, впряжённые и коляски, везут больных, голодных, раненых. А над всем этим хаосом — радостное весеннее небо, безоблачное, голубое. Май...

Ночью приехали в Дрезден. Дома — как решето. Развалины дворцов, храмов, падают стены. Немедля встал вопрос: где хранить, куда везти дрезденские шедевры? Остановились на Пильнице — летней резиденции саксонских курфюрстов. Этот дворец уцелел чудом. С первого же дня мы познакомились с замечательным человеком — офицером Перевозчиковым, начальником батальона, приданного нам.

Мы начали поиск.

Пирна. Каменоломня. Открытый карьер. Машины долго спускались на дно. Перед нами зияла зловещая чёрная дыра тоннеля. Гулко звучали наши шаги по шпалам железнодорожного пути. Вдали мерцал свет. Мы брели в сумраке. То, что мы увидели в конце тоннеля, не поддаётся описанию. В вагоне сваленные у стен полотна. Поблескивали золотые рамы. Былолюдно. Сразу увидели маршала Конева, генерала армии Петрова. Коневу доложили, что бригада из Москвы прибыла.

— Отлично! — сказал маршал.

Начались долгие дни, недели поисков, работы по спасению шедевров. В заброшенных штольнях, карьерах, бараках, пустых имениях, в сырости, холоде находились беззащитные полотна величайших мастеров живописи, обречённые на гибель.

Где “Сикстинская мадонна”?

...Этот вопрос волновал всех.

И вот наступил день, который не вычеркнешь из памяти. Пильниц. Парадный зал. Зеркала. Обычная дворцовая роскошь. В широкие стеклянные окна видна Эльба. Перед нами трёхметровый деревянный ящик. Осторожно вскрываем тройную раздвижную крышку...

“Сикстинская мадонна”! Величавая, простая, шагнула к нам с холста. Вместе с ней в зал вошла Тишина...

...Творение Рафаэля. После всего хаоса, разрушений, которые прошли перед нами, особенно ярко поражали гармония, красота этого величайшего шедевра мировой живописи.

Это была кульминация наших исканий. Но поиски продолжились. Всё новые и новые шедевры стекались в Пильниц. Наконец, было собрано почти всё. И в то же время стало абсолютно ясно, что картины нуждаются в срочной реставрации и, главное, в музейном хранении. Николай Пономарев был срочно откомандирован в Москву с соответствующим письмом. Вскоре пришло решение, и в конце июля эшелон с шедеврами отбыл в Москву.

Впереди была длительная кропотливая работа. Музей изобразительных искусств гостеприимно раскрыл свои двери. Шедевры были спасены”.

По поводу того, как “Мадонну” отправляли в Москву на реставрацию, существует легенда. В неё можно верить. Она немного комична, но и правдива одновременно.

Вскоре в Дрезден прилетела искусствовед Н. Соколова. Когда начали решать проблему транспортировки в Москву “Сикстинской мадонны” Рафаэля, Наталья Ивановна не на шутку разволновалась. Беспокоилась она, прежде всего, за сохранность шедевра.

— Раз такое дело, — махнул рукой маршал, — я готов предоставить вам свой самолёт.

— Иван Степанович, это же страшно! — всплеснула руками Соколова.

— Почему страшно?

— А вдруг с ним что-нибудь случится?

— Самолёт надёжный. Я сам на нем летаю.

— Ну, Иван Степанович, вы же маршал, а это — “Мадонна”.

Конов рассмеялся. И распорядился отправить “Мадонну” в Москву поездом.

С тех пор на фронте, при всякой сколько-нибудь похожей ситуации, любили шутить: “Но вы же маршал, а не Мадонна...”

Наталья Ивановна Конева рассказала мне, что спустя годы она с отцом ездила в Дрезден: “Отцу очень хотелось увидеть именно эту картину. В подлиннике. Он очень любил “Сикстинскую мадонну”. А знаете, почему? Потому что её лицо напоминало отцу лицо мамы”.

А теперь настало время рассказать другую легенду.

Говорят, однажды под Ржевом после боя на КП батальона первого эшелона принесли документы погибших солдат. Разложили на столе. И в это время в землянку вошёл генерал Конев, в то время командующий войсками Калининского фронта, в сопровождении командира дивизии. Он обратил внимание на ворох красноармейских книжек. Взял одну из них, раскрыл, чтобы прочитать фамилию убитого, и в это время из неё выпал вчетверо сложенный листок. Это была репродукция, вырезанная из какого-то журнала, которую все, в том числе и Конев, вначале приняли за икону. Такое на фронте встречалось часто: среди многочисленных личных вещей погибшего обнаруживалась то небольшая иконка-складень, то нательный крестик, то бумажка с молитвой. “Сикстинская мадонна,” — сказал кто-то из стоявших рядом. Конев не отрывал от репродукции глаз: лицо Марии было поразительно похоже на лицо той, которая теперь часто была с ним рядом.

Когда в 45-м его войска вышли в район Дрездена и атакой овладели городом, он уже знал, что “Сикстинская мадонна” здесь. И потому приказал искать её. Когда “Мадонну” нашли, он тут же приехал посмотреть на картину. И понял, что это — судьба.

С той, которая всю войну была рядом, он так и не расстанется. Но об этом чуть позже.

Когда войска 1-го Украинского фронта перемахнули Одер, Коневу позволил маршал Будённый и сказал, что где-то за Эльбой, по сведениям разведки, находился один из наших крупнейших племенных конезаводов, вывезенный немцами с Северного Кавказа в 1942 году. Фронтная разведка подтвердила: действительно, в районе Ризы находится крупный конный завод. Конев взглянул на карту: как раз в этом направлении действовал 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Баранова. Тут же поставил перед кавкорпусом задачу: переправиться через Эльбу и захватить конный завод, пока немцы не приступили к его эвакуации. Кавалеристы Баранова наступали в эти дни как никогда стремительно. Уж кто-кто, а они знали толк в конях. Вскоре генерал Баранов доложил: конный завод захвачен в целости и невредимости. Позже племенных дончаков отправили в эшелонах на родину.

Семён Михайлович Будённый был хорошим организатором. С 1943 года он командовал кавалерией Красной Армии. Тогда же по его ходатайству был воссоздан Московский зоотехнический институт коневодства. А в 1947 году Сталин его сделает одновременно заместителем министра сельского хозяйства СССР по коневодству. Так что для своей отрасли маршал Будённый делал очень много.

В те же майские дни был захвачен город Мейсен и знаменитый завод мейсенского фарфора. Производство более чем с двухсотлетней историей было поистине уникальным. Завод выпускал посуду и фарфоровые фигурки. Эти милые пастухи и пастушки, арлекины и танцовщицы — предмет умиления обывателей — постепенно стали подлинными произведениями искусства и ценились не меньше золотых и серебряных статуэток. Так, к примеру, фигурка “Танцовщица”, изготовленная в 1740 году, на недавно состоявшемся международном аукционе была продана за 120 000 фунтов.

Оборудование завода в 1945 году было демонтировано и вывезено в СССР. Однако вскоре производство снова заработало. В 1960 году, когда предприятие праздновало своё 250-летие, коллекция фарфора была полностью возвращена в ГДР.

Глава тридцать шестая

ПОСЛЕ БИТВ

ПАРАД

“За здоровье русского народа!..”

Маршал вынул из ножен парадную саблю, мельком взглянул на клинок, сиявший даже в этот пасмурный день, и подал команду. За шеренгой генералов, которые чётко, словно вымуштрованные солдаты, повторили его движение, кольхнулся штандарт 1-го Украинского фронта. Щека маршала дрогнула. Он пытался сосредоточиться на главном, о чём сейчас следовало думать. Но память, как киноплёнка, внезапно начавшая обратное движение, мгновенно перенесла его на четыре года назад, в сорок первый, на дороге Витебск—Смоленск, где он, командарм-19, вдвоём с артиллеристом, которого не успел даже спросить, как его зовут, выкатывал противотанковую пушку на открытую позицию для стрельбы прямой наводкой. Танки шли по дороге, и до них оставалось метров сто, не больше...

Оркестр между тем грянул марш. Тысяча ног ударила по мокрой мостовой, не жалея ни подошв, ни камней, отшлифованных столетиями самой истории. А он снова увидел себя не здесь, а на той прокалённой солнцем дороге на Смоленск, куда немцев нельзя пускать ни при каких обстоятельствах, но куда они уже прорвались танковыми авангардами, один из которых сейчас раздавит их пушку.

...Кресты на броне головного танка были видны отчётливо. И он, старый артиллерист, встав к орудию за наводчика, в последний раз выверил

прицел и скомандовал напряжённо и испуганно ожидавшему его приказанию заряжающему: “Огонь!” Заряжающий до последнего не верил, что генерал умеет стрелять из его пушки...

Никто не мог знать, что происходило в его душе. Но маршал, переживая свою войну снова и снова, понимал, что то же, что и он, должно быть, переживают сейчас и его генералы, и офицеры, и солдаты. Вся тысяча, набранная из многих тысяч его победоносного войска, выстроилась сейчас за его спиной ровными стройными корбками. Она сияла знамёнами прославленных полков и соединений, золотом и серебром боевых орденов и медалей.

Снова хлынул дождь и мгновенно перешёл в обвальную ливень. Но уже через минуту-другую так же резко утих. Мундир промок, прилип к телу. Дождевые капли с подбородка падали на орден Победы. Маршал не ощущал того ликования, которого ожидал. Он чувствовал, что им овладевает то состояние полного удовлетворения и покоя, какое его охватывало порой после удачно проведённой операции, когда из штабов армий и корпусов докладывали о том, что его приказ выполнен, противник разбит, рассеян или окружён и захвачено такое-то количество пленных и трофеев, что начато преследование и что к исходу дня дивизии первого эшелона выйдут на рубеж реки такой-то, а в прорыв вводятся танки...

Когда с фашизмом в Европе было покончено, Верховный собрал своих маршалов на Военный совет. Он гордился своими полководцами. Заговорил и о параде Победы. Верховный вдруг предложил командовать парадом ему. Предложение прозвучало неожиданно. Следуя заветам врождённой скромности и тому внутреннему уставу, который выработался в нём с годами и битвами — и не всегда фронтовыми, — маршал отказался, сославшись на то, что давно не ездил верхом, что когда-то имел травму при падении с коня, что он не кавалерист и хотел бы идти по площади во главе войск своего фронта. Верховный по-кавказски вспылил, сказал, что маршал зазнался и что, в таком случае, командование парадом будет поручено другому, не менее талантливому и заслуженному.

Что ж, теперь думал он без сожаления, идти во главе своего фронта не менее почётно. Всю жизнь он был рядом со своими солдатами. Он был с ними в окопах. С ними отступал. С ними наступал.

Когда сводный оркестр грянул “Славься...”, маршал почувствовал, как разом, повинувшись некой, будто с небесных высот прозвучавшей команде, вскинули головы его генералы, офицеры и солдаты. И сам он вдруг показался себе выше ростом, стройнее, а телом завладела та необычная лёгкость, которая всегда охватывала его в бою. Дождь немного утих. Парадный мундир плотно облегал тело. Причудливая, почти метафизическая смесь дождя, как природного потока, струящегося с неба, и звуков военного марша, в котором отчётливо преобладали торжественные, победные звуки и фразы, казалось, слились воедино, и из этого необычного слияния неожиданно родился запах сирени.

Сирень всегда была любимым цветком маршала. С юношеских лет. Девичий запах сирени нахлынул так сильно, что маршал почувствовал волнение, преодолеть которое было почти невозможно. Перед глазами поплыли картины родины, угор над речкой, дворы Людейной... потом другая весна... женщина, которую он безмерно любит... брусчатка старого города и сотни людей вдоль дороги — все с цветами, и все подбегают к его открытой машине и бросают букеты ему... Букеты в полёте рассыпаются, и ворох цветов с лёгким шорохом осыпается на капот машины, на лобовое стекло, на спинки сидений, на плечи водителя и адъютанта... Прага... Май... Да, Прага, казалось, вся в тот день пропахла сиренью. Не только воздух, но и дома, брусчатка, идущие по ней танки его армий.

И вот сводный полк 1-го Украинского фронта проходит мимо трибуны Мавзолея. Маршал вскинул голову и увидел Верховного. Верховный тоже смотрел на него, и маршалу показалось, что в его лице уже не было ни тени того, что омрачило их последнюю встречу. Верховный умел забывать. Но умел и не забывать.

Маршал шёл во главе коробки своего фронта. Ветер колыхал багровое полотнище штандарта. Лучшие солдаты 1-го Украинского фронта шли за его

спиной. Они были все молоды, красивы и счастливы. Вся Красная площадь была переполнена счастьем людей, победивших в долгой и жестокой войне, которая, наконец, закончилась.

Парадный мундир, пошитый специально для этого дня, слегка теснил, но он прекрасно подчёркивал стройную высокую фигуру маршала, его точные движения, и это придавало уверенности, лёгкости, словно в бою, когда все приказы были уже отданы, сигнальные ракеты ушли в небо, пехота смело двигалась за огненным валом артиллерийского наступления, танки, ревя моторами, выходили из районов сосредоточения, а он, уверенный в силе удара, с удовлетворением наблюдал за тем, как правильно и умело действуют его войска.

Маршал знал, что сейчас на него и его генералов, офицеров, старшин, сержантов и рядовых смотрят тысячи глаз. И среди них глаза того, кого он искренне боготворил, кому был безмерно благодарен за всё, чего достиг и что смог сделать для своего Отечества и своих солдат.

Верховный стоял на трибуне Мавзолея среди членов Политбюро, маршалов и генералов. Там, вверху, куда были устремлены взоры многих, кто пришёл в этот день на Красную площадь, было много людей. Но маршал видел только Верховного.

Пройдут годы, Верховного не станет. Вернее, им, Верховным главнокомандующим, станет другой правитель страны. А маршала, как и других маршалов Победы, его боевых товарищей, будут считать “сталинистом”. Едва ли не самым главным среди “сталинистов”.

Было ли это на самом деле так?

Видимо, да.

Из книги Наталии Коневой “Маршал Конев — мой отец”: “Когда я была маленькая, я расспрашивала отца, почему за одним командующим идут 4–5 генералов, а за другими — 10–12. Отец дал мне краткое объяснение: их столько, сколько армий входило в тот или иной фронт, а это, в свою очередь, зависело от масштаба стратегических задач, которые приходилось решать тому или иному фронту. Самыми многочисленными в конце войны были 2-й Белорусский фронт под командованием К. К. Рокоссовского, 1-й Белорусский фронт под командованием Г. К. Жукова и 1-й Украинский фронт. На Параде Победы впереди сводного полка шли Герои Советского Союза со штандартом фронта и знаменами прославленных соединений и частей. Шеренгу героев 1-го Украинского возглавлял трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, знаменитый на весь мир лётчик и близкий друг моего отца. Во время прохождения полка 1-го Украинского фронта по Красной площади военный оркестр под руководством генерала А. Чернецкого исполнял старинный военный марш, под звуки которого маршировали в своё время в честь победы русского оружия полки царской армии. Традиция не прервалась, и это было сделано вполне осознанно”.

24 мая 1945 года Правительство СССР устроило торжественный приём в честь победителей — командующих войсками и соединениями. К 20.00 в Георгиевский зал Большого Кремлёвского дворца прибыли маршалы и генералы, конструкторы-оружейники, люди, которые внесли значительный вклад в гигантскую работу страны, принесшую Победу. Белый Георгиевский зал был выбран не случайно, он — “один из орденских залов, где воплощена идея памяти о многих поколениях людей, служивших России и отличившихся в сражениях за неё”. Сталин произнёс тост, который поразиł многих: “Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение”.

В. М. Молотов, который управлял сюжетом торжества в роли тамады, произнёс тост за командующих войсками. Первым прозвучало имя маршала Жукова. Вторым — Конева. “За маршала Конева — героя боев на Украине, освободителя Праги, полководца, войска которого вместе с войсками Жукова ворвались в Берлин...” Затем прозвучали имена Рокоссовского, Говорова, Малиновского, Толбухина, Василевского, Баграмяна, Мерецкова, Ерёмченко.

Конев и Жуков. Жуков и Конев. Их всегда называли и называют, ставили и ставят вместе, в один ряд. И этот ряд — их слава и их крест.

А с запада на восток, через Польшу, Чехословакию, Восточную Пруссию, Румынию тем временем шли поезда с победителями. Вчерашние бойцы, миномётчики и артиллеристы, сапёры и танкисты, под трофейные аккордеоны и русские гармошки, с которыми прошли всю войну, пели: “Давно мы дома не были...” Песня была написана поэтом Алексеем Фатьяновым и композитором Василием Соловьёвым-Седым в мае в Берлине. В ней, в первой редакции, непричёсанной, авторской, кстати, были такие слова:

*Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне
В Германии, в Германии,
В проклятой стороне.*

Последняя строчка, согласно дружественной политике по отношению к германскому народу, была вскоре исправлена: “...в далёкой стороне”.

Что ж, время шло, ветра менялись и требовали не только новых песен, но и редактирования старых.

Глава тридцать седьмая

ВЕНА

Черчилль: “В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага...”

После торжеств Конев из Москвы сразу же отправился в Вену.

Во время подготовки к параду победы он неоднократно встречался с маршалом Толбухиным, войска которого в это время стояли в Австрии, но уже начали передислокацию в Болгарию и Румынию. Их казармы должны были занять части 1-го Украинского фронта. 10 июня 1945 года, за две недели до парада, Конев получил официальное назначение на должность Главнокомандующего Центральной группой войск и Верховного комиссара по Австрии.

Именно в Австрии в те дни неожиданно возник клубок противоречий новой Европы. Сталину разведка донесла о том, что британский премьер Черчилль агрессивно настроен к СССР и приказал не уничтожать немецкие самолёты, танки и другую военную технику, а складировать её, консервировать. Концлагеря союзников были переполнены немецкими солдатами и офицерами. В них сохранялась воинская дисциплина и порядок. Солдаты были сведены в роты. Черчилль разослал телеграммы Эйзенхауэру и Монтомери с соответствующими указаниями. Свои настроения этого периода он сформулировал так: “В моих глазах советская угроза уже заменила нацистского врага”.

Союзников и, в первую очередь, Черчилля пугали советские дивизии, стоявшие по линии соприкосновения, а в некоторых местах и глубже на запад. Сталин не торопился их отводить.

12 мая. Черчилль — Трумэну:

“1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы.

Согласно прежним решениям, наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооружённая мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

2. А тем временем как насчёт России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у Вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская ещё не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200–300 дивизий?

3. Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоёванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель — когда американцы отступят — оккупирован русскими силами”.

Черчилль чувствовал коварство “дядюшки Джо”, как он называл Сталина. Сталин, в свою очередь, чувствовал коварство Черчилля. Война закончилась. Победители жадно делили трофеи. Стороны смотрели друг на друга через демаркационную линию в бинокли, как ещё вчера смотрели на позиции вермахта и СС.

Тогда же, 12 мая 1945 года, союзниками был утверждён план под кодовым названием “Немыслимое”: атака советских войск по всей тактической линии; 47 американских и английских дивизий, 10 германских, воздушные армады готовы были продолжить войну, имея перед собой уже другого противника. Но план был забракован как неосуществимый. Англичане побоялись начинать эту войну, потому что имели перед собой Красную Армию, которая была значительно сильнее, и, по расчётам их штабов, результаты новой войны могли быть непредсказуемыми.

По всей вероятности, союзники, верстая “Немыслимое”, одновременно испытывали тот же ужас, что и перед высадкой в Нормандии.

Сталину стало ясно, что армии в Европе придётся держать ещё долго. А это означало, что война для советского народа закончилась только на фронтах, тяготы тыла продолжают: войска надо было обеспечивать, содержать.

Правда, рабочий день был сокращён с 11-ти до 8-часового. Отменены обязательные сверхурочные. И ещё: пройдя через фильтрационные лагеря, вернулись из плена 1 миллион 836 552 человек (из 4 миллионов 560 000). Около миллиона из них тут же направлены в армию, 600 000 — на работу в промышленность в составе рабочих батальонов, 233 400 человек — в лагерь НКВД.

Конева направляли в Австрию.

Вена была взята нашими войсками 13 апреля 1945 года. Союзники в боях на территории Австрии не участвовали. Однако подвергли сильной бомбардировке восточную часть города, уничтожив много памятников архитектуры. Согласно договоренностям глав государств-победителей, Вена, как и Берлин, делилась на оккупационные зоны. Их было четыре: советская, американская, английская и французская.

Говорят, когда Кейтель подписывал акт о капитуляции Германии, увидев среди офицеров армий-победительниц французов в парадных мундирах, воскликнул: “Как!? И этим мы проиграли!?”

Итак, Конева направляли в Вену.

Но перед отъездом ему предстояло решить проблему не менее тяжёлую и важную — определить свои дальнейшие взаимоотношения с женой Анной Ефимовной.

Они встретились. Состоялся разговор. И Конев понял окончательно, что никакого будущего в их отношениях нет и быть не может. Решение было

обоюдным. Не было ни вздохов, ни слёз, ни заламывания рук. Анна Ефимовна тоже уже жила своей жизнью.

Когда он уходил, Анна Ефимовна спросила:

— Куда ты теперь?

— В Вену. Сколько пробуду там, не знаю.

Она попросила разрешения приехать к нему. Он согласился. Но тут же уточнил, чтобы приезжала с детьми и что никаких отношений в связи с этим приездом у них быть не может. Она согласилась.

Уже из Вены он прислал ей письмо. Это письмо сохранилось в архиве Анны Ефимовны:

“Здравствуй, Нюра! Каждая встреча с тобой крепко взвинчивает мои нервы и бередит старые раны. Сейчас моя язва начинает понемногу поджигать. Доктора настаивали на том, чтобы отправить меня в Москву, но в связи с улучшением пока воздержусь. Я не возражаю против твоего приезда с ребятами ко мне, но учти моё состояние. Я жду тебя как хорошего друга, но не как жену, тут у нас всё кончено. До конца жизни постараемся не вспоминать старое... Не беспокойся насчёт своей жизни: как она была обеспеченной, так будет обеспеченной и дальше. Будь благодарна.

30 июля 1945 года”.

Конев поехал в Австрию не один. Антонина Васильевна была, как и все эти годы, рядом. Штаб Центральной группы войск находился в Бадене, курортном городе юго-западнее Вены.

Наталья Ивановна Конева рассказывала: “Мама была вместе с отцом в Бадене. Для неё этот период был наполнен ожиданием счастья. Бомбёжки, лишения, вечный страх потерять близкого человека, который был почти всегда в боевых порядках своих войск или на КП в районе боевых действий, — наконец, позади. Всё вокруг казалось праздником, даже сам красивый старинный город с кружевными башенками готического собора. Практически все сослуживцы отца побывали на экскурсиях в Вене. Остался снимок на память: мама в шляпке и плащике по европейской моде на крыше знаменитого собора Св. Стефана. Могла ли она подумать зимой сорок второго, когда впервые увидела отца в запущенной и неуютной избе под Калинином, что в сорок пятом окажется рядом с ним в самом сердце Европы? Она вспоминала, как поразили её австрийские женщины — только что стихли звуки бомбёжек, а они уже принарядились, с аккуратными причёсками, в хороших шляпках, туфельках демонстрировали свою женственность. Так непривычно для наших женщин, прошагавших в сапогах и военной форме дорогами войны. В венских кафе играла музыка, на площадях и улицах люди танцевали польки и вальсы знаменитого Штрауса. Маме очень хотелось приобщиться к этой жизни, в мечтах она видела себя в вечернем платье и с крошечной сумочкой, элегантной и, главное, любимой Тосей, Тонюсей, как он нередко её называл. Ей хотелось протиснуться с ним, таким знаменитым, под руку”.

Работа, которую выполнял Конев в Вене, сильно отличалась от того, к чему он привык за минувшие годы, включая довоенные.

Ему удалось быстро найти общий язык с представителями союзного командования генералами Кларком (США), Макрири (Великобритания) и Бетуром (Франция). Конечно, какое-то время помогали его военные заслуги, мощные дивизии, сосредоточенные в советской оккупационной зоне. Но вскоре появились и дипломатические навыки. Генералы — люди одной касты, даже если они генералы разных армий. Договаривались, находили компромиссы, хорошо понимая, что их положение — дело временное.

Официальные встречи, консультации с Москвой, переговоры, решения спорных вопросов, проблемы с созданием Межсоюзной комендатуры, приглашения на вечера, концерты, торжественные ужины, обмен культурными программами.

Конев даже заказал себе фрак с крахмальной манишкой и галстуком-бабочкой. Пошел фракную пару один из самых лучших венских портных. Когда фрак был готов, он надел его, подошёл к зеркалу, взглянул на себя...

А через полчаса уже ехал на приём в своём привычном маршальском мундире. Тем более что на фрак орден “Победа” не повесишь...

Позвонил Сталин. Конев доложил.

— Есть ли какие просьбы, товарищ Конев? — спросил Сталин.

— Да, товарищ Сталин, просьба вот какая: нельзя ли прислать сюда бригаду артистов, которые бы продемонстрировали своё профессиональное мастерство и поддержали бы своей музыкой освобождённых от оккупации австрийцев?

— Артистов пришлём, — коротко ответил Сталин и положил трубку.

И вскоре в Вене встречали прославленную балерину Галину Уланову, баритона Большого театра Алексея Иванова, пианиста Льва Оборина и других знаменитых артистов. Начались концерты.

Правду сказать, дело было не в поддержке “освобождённых австрийцев”. 700 000 солдат и офицеров — огромный контингент наших войск, самый большой из находящихся в Европе. Почти вдвое больше того, который дислоцировался в Берлине и всей Германии. Жизнь в Австрии, пострадавшей от войны несравнимо меньше соседней Германии, быстро стала налаживаться. Глядя на то, как живут, отдыхают и развлекаются местные буржуа, наши солдаты и офицеры тоже потянулись к “жизненным соблазнам”, при этом, как водится у нас, вели себя не всегда “подобающим образом”. Такие выражения появились вскоре в приказе Конева, который историки назовут приказом “О запрете мародёрства”. Приказ пресекал нелегальную, то есть самовольную конфискацию австрийской собственности: грабежи, торговлю в любой форме на чёрном рынке, а также вводил запрет на посещение народных праздников, ночных заведений, кафе, закусочных, где продавался алкоголь.

Опыт борьбы с пьянством в войсках у Конева был. Монголия, Забайкалье, Дальний Восток. Но тут остановить “славян” было труднее, чем где-либо. Там родные стены помогали, а тут, когда на каждом шагу соблазны... К тому же людей подогревал кураж победителей, а это преодолеть было тяжело.

Неожиданно начала прогрессировать старая болезнь — закровоточила язва. Врачи из группы войск посоветовали срочно лететь в Москву, ложиться на операцию. Но потом кто-то порекомендовал доктора из местных, крупного специалиста, успешно практикующего лечение подобных заболеваний.

Доктору не сказали, кто будет его пациентом, видимо, сомневаясь, что тот согласится лечить Главнокомандующего оккупационными войсками, да ещё русского. Врач увидел в прихожей маршальскую шинель, мгновенно всё понял. Но виду не подал. Изучил историю болезни и сказал:

— Я, господин фельдмаршал, член партии национал-социалистов и работал на Гитлера. Наши специалисты никогда не довели бы своего пациента до такого состояния, будь он даже простым солдатом. У вас плохие врачи!

— Господин доктор, — ответил Конев, — если вы можете помочь, помогите. Я позвал вас не как партийца, а как врача.

Доктор осмотрел Конева и сказал:

— Не вижу необходимости в операции.

— Вы так считаете?

— Да. Вставайте. Поезжайте на рыбалку. На охоту. Куда угодно, только на природу. Подальше от дел. И не думайте о своей болезни.

Позже, действительно позабыв о своей болезни, Конев узнал, что врач, осматривавший его, осуждён Нюрнбергским судом как военный преступник, делавший бесчеловечные медицинские эксперименты на людях в концлагере для военнопленных.

Слухи о болезни главнокомандующего самой крупной группировкой в Европе дошли до Кремля. Сталин на одном из заседаний упрекнул Микояна:

— Анастас, что-то наши полководцы, я слышал, прибалывать стали. Что же ты их не отправишь отдыхать?

Вскоре из Москвы пришло распоряжение: предоставить Главнокомандующему центральной группы войск маршалу Советского Союза Коневу трехмесячный отпуск для лечения.

Тремя месяцами отпуска Конев, конечно же, не воспользовался: “Барство”. Но всё же в Карлсбаде, на знаменитом курорте целебных вод, он побывал.

Маршал поехал в Карлсбад со своей мадонной — Антониной Васильев-ной. Всё у них было уже решено. И они были счастливы.

Дни, проведённые в Карлсбаде, как рассказала дочь маршала Наталия Ивановна со слов её мамы, Антонины Васильевны, были самыми счастливыми в их жизни. Весна, цветение садов. Сказочные виды окрестностей Карлсбада. Хороший уход.

Но сказка прервалась совершенно неожиданно.

Глава тридцать восьмая

КОНЕВ — ЖУКОВ. ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Сталин: “А вы знаете, что Жуков пытался присвоить себе вашу победу под Корсунь-Шевченковским?”

В среде военных уже давно поговаривали вот на какую тему: война закончилась, дело сделано, Хозяину мы больше не нужны, будет приближать и держать возле себя самых послушных и угодливых, остальных...

И вот звонок из Москвы. Звонил заместитель министра Вооружённых Сил СССР Булганин. Он сообщил, что надо срочно вылететь в Москву на заседание Высшего Военного совета. С Булганиным у Конева отношения всегда были неважными, и даже порой хуже. А потому от этого звонка ничего хорошего он не ждал.

Знал ли Конев повестку дня заседания Высшего Военного совета, неизвестно. Видимо, вскоре узнал. И консультации среди маршалов тоже, как можно предположить, состоялись. Иначе невозможно объяснить их довольно прочный фронт, который они выстроили во время попытки партийных чиновников уничтожить маршала Победы Жукова.

Как известно, 31 мая 1946 года, за несколько часов до начала чрезвычайного заседания, состоялся обыск на даче Жукова. О нём существуют противоречивые сведения. Некоторые биографы маршала Победы говорят о том, что обыск проведён негласно, что вещи не изымались, а лишь фиксировались в списке, который затем был подшит в “Дело Жукова”. Для негласного обыска, как вы понимаете, ордер не выписывался, потому как проводился он не с ведома прокурора, а с ведома, скорее всего, тов. Абакумова “по просьбе” тов. Сталина. Сам же Жуков в своих “Воспоминаниях...” рассказал совершенно другую историю: что обыск не состоялся, что он, Жуков, якобы пригрозил оружием и выпроводил со своей дачи “троих молодцов” и т. д.

Но вернёмся к нашему герою.

Конев срочно вылетел в Москву. 2 июня 1946 года Антонина Васильевна, оставшаяся на курорте одна в тревожном ожидании, получила письмо:

“Тонюсенька, милая! Вчера состоялось решение, и меня назначили вместо Жукова. Хозяин предложил остаться в Москве и приступить к работе. В связи с этим тебе, моя детка, нужно тоже прекратить лечение, все собрать, расплатиться и выехать на машине в Баден. Там, в Бадене, погрузить все ценные вещи в самолёт и самой вылететь в Москву.

В самолёт обязательно возьми мой сейф с документами, чемодан с парадным мундиром, чемодан с гражданскими костюмами и моими кителями, шинель. Много у тебя будет хлопот, но что делать, так нужно. Передай мою благодарность всему медперсоналу, который нас лечил и обслуживал. Я, видимо, в Баден не приеду, а если и прилечу, то заранее тебе позвоню. Ну, моя родная, будь осмотрительна и строга во всём. Соскучился по тебе. Буду ждать тебя с нетерпением.

Целую тебя крепко, твой Ваня”.

А в Москве, между тем, произошло событие, которое вот уже почти семь десятков лет волнует военных историков и толкователей советской политики второй половины 40-х годов прошлого века.

Послевоенная политика страны не предполагала слишком большого влияния военных. Война осталась позади. Сталину уже не так нужны были маршалы и генералы, особенно такие, кто умел на себя брать слишком много ответственности и действовать самостоятельно. Кто почувствовал вкус этой самостоятельности, власти. Более того, он почувствовал опасность, исходившую от них. Особенно опасно вёл себя тот, кого он так возвышал и щедро при этом осыпал наградами — маршал Жуков. Георгий Победоносец, как того иногда называет его окружение. Об этом ему тоже доложили.

Заседание Высшего Военного Совета вёл Министр Вооружённых Сил Союза ССР Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин. Он попросил секретаря Совета генерала Штеменко, в то время начальника Главного Оперативного управления, зачитать материалы допроса Главного маршала авиации Новикова. Новиков был арестован ещё в апреле и всюду давал показания следователям МГБ. О его “признаниях” бывший шеф СМЕРШа, а теперь министр МГБ генерал Абакумов ежедневно докладывал Хозяину.

Когда в докладе Штеменко прозвучали слова не только о бонапартизме Жукова, но и о том, что тот якобы готовил военный заговор, маршалы поняли, что настал и их час. Сегодня — Жуков. Завтра — они.

После генерала Штеменко выступил Сталин. Он сказал, что Жуков присваивает себе все победы Красной Армии, что, выступая в Берлине на пресс-конференции, давая интервью для советской и зарубежной печати, “Жуков неоднократно заявлял, что все главнейшие операции в Великой Отечественной войне успешно проводились благодаря тому, что основные идеи были заложены им”.

Сталин указал пальцем на бывших членов Ставки Верховного Главнокомандования и членов ГКО, представлявших теперь Политбюро и Высший Военный Совет, и сказал:

— Так что, все мы были дураки? Только один товарищ Жуков был умным, гениальным в планировании всех стратегических операций во время Великой Отечественной войны!

Сталин закончил своё выступление этим полуриторическим вопросом, приглашая всех присутствующих, в том числе маршалов, высказаться по поводу Жукова, чтобы “решить, как с ним поступить”.

Все присутствующие понимали, что отвертеться от выступления не удастся. Надо говорить. А говорить — значит, высказать свою позицию.

Вот тут-то и наступил момент истины.

Выступления были разными по духу и смыслу. Некоторые заняли твёрдую позицию и, критикуя и личные человеческие, и деловые качества Жукова, всё же признавали его военные заслуги и верность партии, правительству и лично тов. Сталину.

Коневу выпало выступать первым.

Можно предположить, что какие-то консультации маршалы всё же провели до заседания Совета. Возможно, в этих консультациях участвовали не все. Но договорённость договорённостью, а сказать своё решительное “нет”, когда уже прозвучало столько слов и формулировок о враждебных деяниях и замыслах Жукова, когда обвинения выдвинул сам Хозяин, было, согласитесь, непросто.

В большинстве публикаций об этом заседании говорится о том, что, мол, военные не отдали маршала Победы на растерзание и что якобы при этом главное и решающее спасительное слово произнёс в то время первый заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками маршал Рыбалко. Верно то, что Павел Семёнович Рыбалко решительно и твёрдо высказался за политическую честность Жукова, за признание многих его военных заслуг. Но тон задали всё же выступавший первым — маршал Конев. И тут надо быть исторически точным. А что значит на таком собрании молвить первое слово поперёк слова Хозяина, вряд ли нужно пояснять.

Никто пока не опроверг точность переданной Коневым атмосферы, царившей в зале заседаний, и сути сказанного им.

Конев сказал, что характер у Жукова непростой, “неуживчивый, трудный”. Назвал и другие недостатки в работе Жукова, а затем подытожил:

— Но если бы Жуков был человеком непорядочным, он вряд ли стал бы с такой настойчивостью, рискуя жизнью, выполнять приказы Ставки, выезжать на самые опасные участки фронта, ползать на брюхе по передовой, наблюдая за действиями войск, чтобы на месте оценить обстановку и помочь командованию в принятии тех или иных решений. Нечестный человек, тем боле нечестный в политическом отношении, не будет себя так держать!

Сталин вдруг понял, что ситуация ускользает из рук. Но выдержал и ждал конца выступлений, никого не перебивая. И только когда ответное покаянное слово дали молвить Жукову, Сталин перебил его и сказал, указывая пальцем в сторону Конева:

— Товарищ Конев, он присвоил даже авторство и вашей Корсунь-Шевченковской операции!

Сталин, бросая эту реплику, конечно же, понимал, что сам многое отнял у него, чтобы отдать другому, и когда припекло, когда понял, что его расчёт на то, что обнесённые берлинским триумфом маршалы Рокоссовский и Конев оказались выше его надежд, по-кавказски взвился: “Он присвоил!..”

Но Сталин и на этот раз оказался мудрее своей врожденной ярости, он уступил военным. Уступил, хорошо понимая, что именно этой своей уступкой он окончательно пресёк волюницу маршалов, что они теперь у него в кулаке.

Но и маршалы почувствовали свою силу и то, что война не закончилась, и надо держать порох сухим.

Константин Симонов в долгих беседах с маршалом интересовался тем Советом. Осталась запись Симонова — ответ маршала Конева на его вопрос: “...После всех выступлений выступал Сталин. Он опять говорил резко, но уже несколько по-другому. Видимо, поначалу у него был план ареста Жукова после этого Военного совета. Но, почувствовав наше внутреннее, да и не только внутреннее, сопротивление, почувствовав известную солидарность военных по отношению к Жукову и оценке его деятельности, он, видимо, сориентировался и отступил от первоначального намерения. Так мне показалось”.

В защиту Жукова в том же тоне, что и Конев, выступили маршалы Рыбалко, Рокоссовский, генерал армии Хрулёв.

9 июня 1946 года Сталин издал Приказ № 009, которым он, по всей вероятности, хотел принизить авторитет маршала Победы в войсках. В приказе, кроме всего прочего, были и такие слова: “Было установлено далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобождён не ударом с юга с букринского плацдарма, как предлагал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что, признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружён и взят в тот срок, в какой он был взят”.

Маршалов Жукова, Конева и Рокоссовского, действительно наиболее ярких и талантливых полководцев Великой Отечественной и в целом второй мировой войны, часто называют тремя русскими богатырями. Справедливости ради надо заметить, что одним из русских маршалов-богатырей был дьяк. Но суть не в этом. Все трое прославили русское оружие, возвысили дух русского солдата и принесли победу русскому народу, который олицетворял тогда все народы СССР. А ведь и они, былинные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович — не всегда ладили друг с другом.

Но хуже у них всё же складывались взаимоотношения с князьями...

В 1947 году, в самый канун 50-летия со дня рождения, из Подосиновца пришло письмо: земляки в Лудейном, в доме деда, Ивана Степановича Конева, решили устроить музей маршала, просили его, так сказать, благословения. Конев ответил землякам тёплым письмом. Послал подарки: семь коробок с книгами для сельской библиотеки. А весной, к посевной, в порядке депутатской помощи, — полностью укомплектованный новенький грузовик.

В устройстве же музея землякам отказал. Тогда он ещё страстно хотел служить, видел впереди перспективы, чувствовал свои силы. А музей на родине... Дошло бы до Сталина. Да и в Политбюро люди разные... "Баретво". Не надо.

Хрущёв тоже столкнёт Конева с Жуковым. И это столкновение будет более жестоким и будет иметь для обоих маршалов очень болезненные последствия.

1957 год. Популярность Жукова вновь возросла. Хрущёв, в своё время спасённый Жуковым от поражения в ходе борьбы за власть с группой Маленкова—Молотова, решил ослабить влияние военных. Ведь в случае нового обострения борьбы за власть они могли принять и не его сторону... Хрущёв, чтобы сокрушить всех маршалов и генералов единым махом, ударил по главному из них — Жукову.

Коневу в этой партийной драчке не повезло больше всех.

После Пленума ЦК КПСС, когда маршалы, включая и Рокоссовского, и Захарова, и Чуйкова, и Ерёменко, и Соколовского, дружно осудили Жукова как "зарвавшегося бонапартиста", на долю Конева выпала "честь" подписать заготовленную в недрах ЦК статью. Называлась она "Сила Советской Армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом". В ней говорилось о бонапартизме Жукова, о его ошибках в работе и, в первую очередь, недооценке роли партии в армии.

Конечно, и тогда, и теперь, неважно, кто эту статью писал. Важно — кто подписал. Конев на этот раз уступил. Как это ни парадоксально, но как политик Хрущёв в схожей ситуации оказался посильнее своего предшественника Сталина. Он повёл интригу так, что газета со статьёй против бонапартизма маршала Жукова вышла в газете "Правда" за подписью его вчерашнего заместителя, самого надёжного подчинённого.

Когда текст статьи курьер доставил из ЦК, Конев просидел над ней всю ночь. Правил, согласовывал по телефону. Пытался смягчить. Затягивал сроки сдачи. Хрущёву постоянно докладывали об "авторских муках" Конева. Тот злорадствовал: "Старайся, не старайся — всё равно статья пойдёт за твоей подписью".

Подписанный Коневым вариант привезли Хрущёву. Тот уже нервничал: почему так долго? Прочитал и позвонил Коневу:

— Завтра в "Правде" читай свою статью. И без фокусов. Понял?

Жуков был смертельно обижен. Конев тоже чувствовал вину. Оба понимали, что политики сильнее их. Разделяй и властвуй... Но чувство обиды какое-то время оказалось непреодолимым.

Однажды они встретились на улице. Разговорились. Жуков сказал:

— Иван Степанович, напиши опровержение.

— Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это никто не напечатает. Это решение партии, а в нашей стране это закон.

Но есть и другая версия всей этой истории. Некоторые исследователи допускают, что Жуков и Конев действительно готовили переворот в стране. Их поддерживали не только Штеменко и Москаленко, но и многие военные. В том числе в войсковых частях, в округах. Говорят, когда Хрущёв, тогда ещё благоволивший Жукову, благодарный ему за спасение во время кремлёвской интриги, пожаловался, что, дескать, вот бы теперь в МВД порядок навести, да нет подходящего человека. И Жуков неожиданно, с солдатской прямой доложил: "Есть такой человек". — "Кто?" — "Мой заместитель — Конев". Вот тут-то зачесалась у Хрущёва лысина, он понял, что эти двое его спихнут в два счёта... Хрущёв, обладавший чутьём на заговоры и сам искушённый заговорщик, и здесь перехитрил своих действительных и потенциальных противников. И Конев, подписывая статью, в этих обстоятельствах выбирал между жизнью и смертью. В самом буквальном смысле. Он хорошо помнил, как Хрущёв расправился с Берией, Меркуловым, Кобуловым и другими. Он знал, за что в дурдоме сидит генерал Судоплатов. Так что для него решалось: расстреляют или не расстреляют. Как американо-германо-японского шпиона. Дурачком-то, как Судоплатов, он прикидываться не станет. А голову на плаху класть не хотелось.

Но письмо Конева к Жукову всё же, говорят, было. И текст его пока нигде не публиковался. Возможно, он когда-нибудь станет частью истории взаимоотношений этих двух полководцев.

Окончательное же примирение произошло при их жизни. На 70-летию Конева, в квартире на ул. Грановского (ныне Романов пер.), когда поздравить маршала пришли все его боевые товарищи и друзья.

Как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в тот вечер у них царил атмосфера военного братства. Жуков одним из первых поздравил Конева с днём рождения. И они обнялись. Все внимательно следили за их движениями, за выражением лиц, за репликами. И все вздохнули с облегчением. Примирение состоялось. Два воина пожалы друг другу руки и по-братски обнялись.

Константин Симонов, тоже сидевший за праздничным столом, написал потом, размышляя о Жукове: “Его приглашение в этот день, в этот дом, его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отделили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для обоих, для каждого по-своему”.

Они выпили. Начали вспоминать свою армейскую юность. Жуков вспомнил, как служили в Белорусском военном округе.

— Однажды, — вспомнил Жуков, — Иван Степанович опоздал на совещание. Вёл его командующий округом Уборевич. Когда комдив Конев вошёл в комнату, где уже сидел и подводил итоги только что прошедших маневров весь командный состав округа, Уборевич кивнул ему и сказал: “Ну, входи, входи, Суворов”.

Глава тридцать девятая

СУД НАД БЕРИЕЙ

“Самое жестокое разочарование в послевоенный период пришло к нему во время суда над Берией...”

Начиналась другая эпоха. После смерти Сталина его ближайшие сподвижники бросились делить наследство. Хрущёв оказался самым энергичным из всех претендентов на осиротевший советский трон. И первым делом он устранил своего главного и самого опасного конкурента — Лаврентия Берия.

10 июля 1953 года газеты опубликовали сообщение: “На днях состоялся Пленум ЦК КПСС, который, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа”.

В это же время были также арестованы: бывший министр госбезопасности СССР, а к моменту ареста министр Госконтроля СССР В. Н. Меркулов, бывший начальник одного из управлений НКВД, а затем министр внутренних дел Грузинской ССР В. Г. Деканозов, бывший заместитель министра госбезопасности, затем заместитель министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов, бывший нарком внутренних дел Грузинской ССР, к моменту ареста начальник одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе, министр внутренних дел Украинской ССР П. Я. Мешик, бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Л. Е. Володимирский.

Как о том повествует официальная версия, все, в том числе и Л. П. Берия, после проведенного следствия и приговора суда были казнены. Председательствовал в Специальном судебном присутствии Верховного Суда СССР по делу Берии маршал Конев.

Давно стало очевидным: не всё в порядке в нашей истории, в том числе и недавней. Вот и так называемое “дело Берии” неожиданно начало расплываться на множество версий.

Конев ни в своих мемуарах, ни в других документах, ни в беседах с близкими и писателями о своей миссии в Верховном Суде даже не упоминает. Наталия Ивановна Конева по поводу этой истории сказала следующее: “Самое жестокое разочарование в послевоенный период пришло к нему во время суда над Берией, где маршал Конев был председателем. Разбирая документы, ему пришлось прочитать множество доносов на себя от людей, которых он считал своими ближайшими соратниками и друзьями...”

Склонен предполагать, что это — правда. Поскольку других, более сильных впечатлений, он испытывать в дни суда над Берией не мог. Ведь Берия, скорее всего, был уже мёртв.

По версии сына Берии Серго, отец был убит при аресте у себя дома на даче ещё 26 июня в полдень.

Сцену ареста во время заседания Президиума Верховного Совета СССР в своих мемуарах описывают лишь двое: Хрущёв и Жуков. Участников же того “ареста” было много. Никто из них впоследствии ничего подобного не вспоминал. Даже тогдашний командующий войсками Московского военного округа генерал Москаленко. А ведь он играл одну из главных ролей, если не главную, в той версии, которую изложили в своих мемуарах Хрущёв и Жуков.

Итак, версий ареста и казни Берии много.

Материалы же следствия (допросы свидетелей и самого Берии, документы, изобличающие преступную деятельность арестованного, свидетельства потерпевших, заключения экспертов и прочее) должны быть собраны в одно дело. Так вот этого дела — “дела Берии” — никто из исследователей пока не видел. Существуют какие-то мифы. Кое-кто даже опубликовал цитаты из этого “дела”. Но все эти публикации не сопровождаются ссылками на номера папок и листов. Лица?

Темны воды нашей истории...

Согласно документам о казни приговорённых Конев в итоговой, так сказать, процедуре участия не принимал.

Вот документ, который можно считать подлинным, так как к “делу Берии” он имеет лишь косвенное отношение:

АКТ

23 декабря 1953 года зам. министра внутренних дел СССР тов. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осуждёнными:

- 1) Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,
- 2) Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,
- 3) Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,
- 4) Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,
- 5) Владзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,
- 6) Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения, к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час. 20 минут вышеуказанные осуждённые расстреляны.

Смерть констатировал — врач (ропись)”.

Смотреть на это Конев не пожелал.

Приговор, вынесенный судом Берии, по официальной версии, был приведён в исполнение в тот же день 23 декабря 1953 года в бункере штаба ПВО, где тот содержался после ареста. Некоторые историки утверждают, что в бункере во время расстрела находились “достойные всякого доверия маршал Конев, командующий Московским военным округом генерал Моска-

ленко, первый заместитель командующего войсками ПВО Батицкий, подполковник Юферев, начальник Политуправления Московского военного округа полковник Зуб и ряд других военных...”.

В акте же от 23.12.53. года (о расстреле Берии) ни о Коневе, ни о Юфереве, ни о Зубе, ни о Гетмане, ни о других военных, “достойных всякого доверия”, не упоминается.

“Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 23 декабря 1953 года № 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генерал-полковником Батицким П. Ф. в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р. А. и генерала армии Москаленко К. С. приведён в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осуждённому к высшей мере наказания — Берии Лаврентию Павловичу”.

Суд над Берией был “процессом века”. Однако до сих пор материалы “дела Берии” не опубликованы. Создаётся впечатление, что кто-то будто намеренно покрывает эту историю тайной, чтобы из её сумерек время от времени вышползали разного рода мистификации наподобие “Дневников Берии” и прочего, что в скором времени, возможно, тоже станет частью нашей истории...

Глава сороковая

МАРШАЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

*“Войти в Будапешт, захватить
важнейшие объекты...”*

После того как Жуков был отправлен в ссылку в Одессу и возглавил Одесский военный округ, Конев принял от него дела.

В 1950 году его назначили Главным инспектором Советской Армии с сохранением должности заместителя министра Вооружённых сил.

С 1951 по 1955 год командовал войсками Прикарпатского военного округа.

Округ был беспокойный. Время непростое.

В состав округа входили армии, корпуса и дивизии, с которыми Конев шёл с боями по белгородской земле, форсировал Днепр, а потом освобождал Европу. Треть частей были гвардейскими. Часто бывая в войсках, встречал знакомые лица офицеров и солдат. Он вернулся в родную стихию. Это ему нравилось. Хотя формально новое назначение выглядело понижением в должности.

Сталин разбросал своих победителей по округам, чтобы меньше общались друг с другом, чтобы не было соблазнов, чтобы не строили каких-либо иллюзий. Рокоссовский находился в Польше. Жадов сидел в Москве и руководил Военной академией им. М. В. Фрунзе. Рыбалко уже не было в живых. Третий год минул со дня похорон. Только что был расстрелян генерал Гордов, бывший его командарм-3. До 1946 года командовал Приволжским военным округом, уволен в отставку, а через год арестован вместе с генералом Куликом и бывшим своим начальником по службе в округе генералом Рыбальченко. Расстреляны все трое. Формулировка приговора какая-то мутная. Никто из военных не верит в её правдивость, но все боятся. Притихли.

Хозяин ещё в феврале 47-го попросился в отставку с поста министра Вооружённых сил: “Очень перегружен я. Товарищи, прошу не возражать. К тому же и возраст сказывается”. И будто в насмешку над маршалами министром военного ведомства был назначен Булганин. Вскоре ему присвоили маршальское звание. Правда, новые погоны проносил он недолго. У Сталина люди долго на одном месте не засиживались. Особенно если появлялись сомнения в их профессиональной пригодности.

Но Хозяин старел. Из Москвы доходили слухи о придворной возне вокруг стареющего вождя и его преемниках. Вначале называлось имя Берии, потом Маленкова, потом Жданова и снова Маленкова...

А у Конева под рукой был один из самых насыщенных войсками округов. К тому же западные области кишели бандами “бандеровцев”, “мельниковцев” и других, более мелких формирований, люто ненавидевших “проклятых москалей”. На границе с Польшей продолжали действовать отряды Армии Крайовой, а в районах, прилегающих к Венгрии, местное население терроризировали “нилашисты” и “салашисты”.

К середине 1952 года общими усилиями всех спецслужб в результате серии удачно проведённых операций, к которым привлекались войсковые подразделения, с бандами в Западной Украине было покончено. ЦК Компартии Украины 10 ноября 1952 года отчитывался в ЦК ВКП (б): “Продолжавшие антисоветский террор оуновцы и примыкающие к ним группы начинают в массовом порядке сдаваться представителям органов советской власти...”

Осенью 1953 года в округе прошли учения. В ходе учений была осуществлена имитация ядерного взрыва. Задачу для войск поставили необычную: действия в условиях применения противником оружия массового поражения. В подготовке и проведении учений приняли участие заместитель министра обороны СССР маршал Жуков, к тому времени снова призванный в высшие командные структуры Советской Армии, генералы Генштаба, академик И. В. Курчатов, конструктор С. П. Королёв.

Молва приписывала этим учениям дурную славу: дескать, на них испытывали ядерное оружие на людях. В действительности ничего подобного не произошло. Хотя накануне шли консультации министра среднего машиностроения В. А. Малышева с его подчинёнными и специалистами-ядерщиками о возможности сброса серийной бомбы малой мощности РДС-4 с самолёта Ил-28. Но “сброса” не было.

Полковник Генштаба Андрей Жариков, помогавший маршалу Коневу работать над его мемуарами, рассказывал, что однажды спросил Ивана Степановича, бывал ли он на ядерном полигоне? Имелся в виду Тоцкий полигон в Оренбургской степи, где осенью 1954 года взорвали ядерную бомбу, а сорок пять тысяч солдат выгнали на учения. Тот ответил: “Мне там делать нечего, это дело Курчатова и Сахарова. Но запомните: когда-нибудь люди проклянут всех, кто изобретал и испытывал атомное оружие на целине. Там же хлеб! Но им-то что? Берия с Малышевым, ответственные за взрывы, на чистеньких перинах с бабами спали в Москве. А каждый взрыв бомбы — это не только распространение заразы на целине, но и вред всей планете. Вы думаете, почему участились землетрясения, ураганы, наводнения, не говоря уже о том, что люди мрут, как мухи? Я предлагал в своё время: практикуйтесь на макетах, испытывайте конструкцию бомбы при обычном взрывчатом веществе. А когда потребуетесь, в чём я сомневаюсь, можно и атомный заряд заложить... А вы там спектакли на весь мир устраиваете. Страх нагоняете. Кто придумал учение войск с применением атомной бомбы? Без ЧП не обошлось. Вы знаете, что там некоторые генералы и офицеры подзаразились, гражданские люди пострадали? А толк? Уже нет в армии тех солдат, которые принимали участие в учении, и генералов нет. Одни уволены, другие поумирали. Кому же этот опыт нужен? Тогда давайте каждый год проводить такие учения”.

В 1997 году А. Жариков выпустил книгу “Полигон смерти”. Книга имела шумный успех. В нее включён и этот эпизод.

Ещё в 1945 году на Потсдамской конференции американский президент Трумэн в разговоре со Сталиным как бы между прочим заявил о том, что США имеют ядерное оружие. В 1949 году успешное испытание ядерной бомбы произвёл СССР. Паритет снова был достигнут. Но для того, чтобы сдерживать Америку от желания атаковать советские города новым оружием огромной разрушительной силы, Сталин приказал держать в Европе и на западных границах огромный контингент войск. Армии, которые ещё вчера сокрушали последние рубежи немецкой обороны. Пока советские учёные в шарашках и на полигонах создавали первую советскую атомную бомбу, сдерживающим

фактором могли быть только люди, миллионы людей в военной форме и танки, армады танков, запрограммированных горючим и готовых к маршу в любой момент.

В мае—июле 1948 года в нескольких сотнях километров западнее, откуда эти армии три года назад вернулись, Объединённый комитет начальников штабов провел штабную игру под кодовым названием “Пэдрон”. В ходе игры бывшие союзники проанализировали возможный сценарий военного столкновения, а точнее сказать, войны между США и СССР при том, что американская армия атакует советские города с применением того запаса ядерных бомб, который к тому времени был накоплен на складах. Выводы американских военных оказались неутешительными: советские войска в первые же две недели военных действий захватывали Берлин и Вену, почти беспрепятственно выходили к Рейну...

Сталин это тоже знал, и его до поры до времени устраивала гигантская армия, которую надо было кормить, одевать, вооружать. Но после 1949 года, когда появилась бомба не хуже американской, армию можно было значительно сократить. И её сокращали. Вот почему некоторые маршалы командовали военными округами, а генералы, закончившие войну командармами, оказались командирами корпусов и даже дивизий. Некоторые же, такие, как Гордов, и вовсе были уволены в запас.

Поэтому своё назначение на округ Конев вряд ли воспринимал как ссылку. Подобную той, в которую угодил маршал Жуков. Во-первых, Конев не был столь амбициозен, как его бывший сосед справа по штурму Берлина. Во-вторых, он попал в родную стихию, в войска, которые любил. В-третьих, он понимал, что эпоха блестящих побед, боевых наград и стремительных повышений в званиях и чинах миновала.

Штаб округа находился во Львове, который войска Конева совсем недавно брали штурмом. Места знакомые, но сильно изменившиеся с той фронтовой поры.

Конев привёз сюда свою новую семью: жену Антонину Васильевну, с которой официально зарегистрировался. На этот раз — никакого гражданского брака. В том же 47-м родилась дочь. Дочь назвали Наталией.

Вот что вспоминает о львовских годах Наталия Ивановна Конева: “Помню прекрасный особняк в старой части Львова: с эркером, фруктовым садом, цветником; гостиную с пианино и даже кладовую: настоящая, как в каких-то кинофильмах о старой, дореволюционной жизни, с домашними колбасками и окороком на крючке, соленьями и вареньями. Солдат-охранник (тоже примета эпохи) должен был везде сопровождать нас с мамой. Он был человеком творческим: из каких-то катушек и ниток соорудил кукольный театр, всё начинало двигаться, и он на разные голоса рассказывал мне истории — незабываемое впечатление.

Мама старалась воспитывать из меня барышню: водила в студию танцевать, сшила пачку из марли, а в качестве отделки наклеила на неё серебряных бабочек из конфетной фольги. В доме появилась учительница музыки Людмила Францевна, полька по национальности. Память зафиксировала осколки впечатлений: мелодии полонезов и мазурок, которые она наигрывала, милые польские словечки “ пше проше”, “подарунчик” за хорошее поведение. Я уже понимала, что оказалась в лоне какой-то другой культуры. Скажем, на Пасху совсем не по-русски красили яйца, из костёла доносились звуки органа, а девочки из хороших семей носили шляпки и перчатки.

Маме хотелось, чтобы дочка командующего тоже выглядела достойно. В её представлении — это платье-матроска, а сверху — белое пальтишко и берет, которые она собственноручно изготовила. В этой одежде я и появилась с мамой на параде войск Львовского гарнизона.

Папа возвращался домой поздно, когда я уже спала, он работал ночами, как это было принято при Сталине.

Дома они с мамой беседовали за огромным столом. Она всегда ждала его возвращения. Иногда уезжали куда-то вместе. Помню сборы на праздничные приёмы. Отец как военный человек собирался быстро: мундир в орденах, начищенные парадные сапоги, фуражка в руке, а мама, хотя и шустрая по натуре, ещё прихорашивалась и в последнюю минуту спешила подкрасить

губы и подушиться духами “Каменный цветок”, привезёнными папой из Москвы. Коробочка, которая так симпатично раскрывалась, как малахитовый цветок, была моей вожаделенной игрушкой: я уже знала сказку Бажова про малахитовую шкатулку.

Собираясь куда-либо с отцом, мама усаживала меня на диван с вязаными подушками — я и теперь храню их, хотя моя дочь Даша уговаривает их выбросить, — но это мой образ детства во Львове: уютный дом, диван, вязаные подушки и руки вокруг маминой шеи. А ещё один памятный образ — папа в военном мундире, который, приехав со службы, буквально взлетает на второй этаж особняка и бережно берёт на руки, носит, прижав к груди, долго-долго, всю ночь: я тяжело болела корью.

Когда я поправилась, папа сделал мне подарок: маленький медальон в форме сердца, внутри которого два овала для фотографий, а на крышке, как капля крови, крохотный рубин. Теперь там хранятся две фотографии — моих молодых родителей.

Из Львова папа поехал в Москву на похороны Сталина, а вслед за ним засобирались и мы с мамой”.

После смерти Сталина наступила новая эпоха.

В 1955 году Конеv вновь назначили Главкомандующим сухопутными войсками.

В 1955 году в Варшаве главы государств “социалистического лагеря” подписали военный союз “по обеспечению мира и безопасности в Европе”. В союз стран — участниц Варшавского договора — первоначально вошли Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия. Это был ответ военному блоку НАТО на присоединение к нему Западной Германии.

Первым командующим Варшавского военного блока стал маршал Конеv и занимал эту должность до 1960 года. Штаб-квартира находилась в Москве. Одновременно за ним сохранялся пост первого заместителя министра обороны СССР. Министром был Жуков.

В 1956 году, когда в Венгрии вспыхнуло восстание, подавлять его направили Конева.

Это была, пожалуй, первая попытка *оранжевой* революции по сценарию из-за кулис. Новый президент США, бывший главнокомандующий экспедиционного корпуса союзнических войск Дуайт Эйзенхауэр объявил краугольным камнем своей внешней политики “освобождение всех захваченных народов”. На выступлении перед студентами Колумбийского университета Эйзенхауэр заявил: “На Соединённые Штаты Америки возложена миссия руководства миром. Вашему поколению предоставлена замечательная возможность внести свой вклад в то, чтобы это руководство стало моральной, интеллектуальной и материальной моделью на вечные времена”.

Насколько последовательны американцы в выполнении заветов своего 34-го президента, мы видим и теперь.

А тогда в западных штабах операция по захвату власти в Венгрии получила кодовое название “Фокус”. Началась она с информационной атаки: тысячи воздушных шаров понесли в Венгрию миллионы листовок. В листовках — призыв к неповиновению новым властям, “Долой коммунистов!” и так далее. Тот, кто планировал эту операцию и писал тексты листовок, хорошо понимал, что их слова лягут на благодатную почву: Венгрия была самым верным и последовательным союзником фашистской Германии во Второй мировой войне. Венгерские солдаты стреляли в наши войска даже тогда, когда всё уже было кончено и сами немцы сдавались дивизиями. В каждой венгерской семье был погибший на Русском фронте, искалеченный русской пулей, обмороженный в русском поле под Сталинградом. Желających снова пострелять в русских солдат, бросить в распахнутый люк “тридцатьчетвёрки” или БТРа бутылку с горючей смесью было достаточно.

23 октября 1956 года началось. Громилы здания милиции, компартии, спецслужб. Убивали коммунистов и милиционеров. По степени жестокости, с которой *борцы за свободу* лишали жизни своих же соотечественников, а потом измывались над телами, это напоминало Средневековье и немецкие концлагеря.

Западные газеты тотчас вышли с заголовками вроде этого: “С заходом солнца Венгерская Народная Республика перестанет существовать”.

С заходом солнца в Будапешт вошли советские войска. Сразу же произошли столкновения. Были убиты советские военнослужащие. Войска открыли ответный огонь. Город запылал. 29 октября войска, наведя относительный порядок, получили приказ на выход. Но после того как танки покинули Будапешт, вновь начались массовые казни коммунистов. Уход войск создал у путчистов ощущение победы. И они начали тотальную зачистку сторонников советского режима.

И тогда в Венгрию вошёл Особый корпус под командованием маршала Конева. Началась операция “Вихрь”.

Походу корпуса на Будапешт предшествовал Пленум ЦК КПСС, на котором возобладало мнение о радикальном решении венгерской проблемы. 31 октября, давая санкцию на проведение операции “Вихрь”, Хрущёв сказал: “Если мы уйдём из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. Они поймут это как нашу слабость и будут наступать. Нас не поймёт наша партия. К Египту тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас другого нет”.

Напомню о сложности ситуации: в это время на Ближнем Востоке шла война (Суэцкая, Синайская или, как её ещё называли, вторая арабо-израильская) между Египтом и Израилем. Израиль, в союзе с Англией и Францией, воевал за Суэцкий канал и прилегающие к нему территории с Египтом. Советский Союз поддерживал египетскую армию. Из arsenалов стран Варшавского договора через Чехословакию в Египет переправлялось новейшее вооружение: реактивные истребители МиГ-15бис и МиГ-17Ф, бомбардировщики Ил-28, танки Т-34. События в районе Суэцкого канала развивались с переменным успехом.

4 ноября 1956 года 38-я общевойсковая армия и 8-я механизированная армия, усиленные десантными дивизиями и артиллерийскими частями, поставили точку в венгерских беспорядках (или восстании, кому как угодно).

Это была полномасштабная армейская операция. С точки зрения военной, Конев провел её блестяще. Войска были разделены на три ударных группировки. Всем им были даны указания: войти в Будапешт и сразу же захватить особо важные объекты. И войска вошли, ломая незначительное сопротивление вооружённых путчистов.

Некоторые историки и публицисты склонны причислить маршала к списку душителей свободы. Но если взглянуть в историю пристальней и попытаться понять, что именно так, после воздушных шаров и разноцветных ленточек, начинаются гражданские войны, то можно утверждать обратное: Конев силой Особого корпуса предотвратил гражданскую войну в Венгрии. И она, получив многие свободы, стала, по шутливому, но точному определению одного политика-острослова, “самым весёлым баракком концлагеря”. Не зря в прежние времена самыми дорогими турпутёвками в соцстраны были путёвки именно в Венгрию — оттуда можно было больше привезти.

Советские войска за два захода, если верить некоторым данным, потеряли в 1956 году в Венгрии 669 человек убитыми, 1540 ранеными и 51 пропавшим без вести.

После венгерского похода в Москве состоялась закрытая партконференция, на которой был заслушан отчёт Конева о только что завершённом походе и о его результатах. Конев отчитывался не только как командир Особого корпуса, но и как заместитель министра обороны СССР. Доклад был выдержан в мажорных тонах, что вполне соответствовало действительности. Подразделения проявили высокую дисциплинированность, выдержку, боевую выучку. Конев вновь видел перед собой армию-победительницу. Хотя в экипажах танков, в орудийных расчётах и в батальонах служили уже солдаты 1934–1936 годов рождения.

Доклад был принят более чем сдержанно.

Пока заместитель министра воевал, над министром вновь сгустились тучи. Впереди был Пленум ЦК 1957 года и злополучная статья в “Правде”.

Многое бы Конев отдал за то, чтобы вычистить этот эпизод из своей би-

ографии. Об этом свидетельствуют многие факты, в том числе свидетельства близких. Но — что было, то было...

Глава сорок первая

СТРОИТЕЛЬ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

“Ход конём...”

С новым первым секретарём ЦК КПСС Н. С. Хрущёвым у Конева отношения не сложились. Причиной тому могли быть не очень приятные взаимоотношения командующего войсками 1-го Украинского фронта Конева и члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Хрущёва.

Однажды летом 1944 года в разгар Львовско-Сандомирской операции, когда немцы опасно контратаковали, и необходимо было срочно выправлять положение, Никита Сергеевич со свойственной ему энергией попытался взять бразды правления, а точнее — управления войсками в свои руки. На что тут же получил пренебрежительную реплику маршала: “Не мешайте, Никита Сергеевич, сами разберёмся!” Сказано это было вежливо, но жёстко.

Хрущёв запомнил.

После шумной отставки Жукова министром обороны Хрущёв назначил преданного Р. Я. Малиновского.

Хрущёв сокращал армию, увольнял в отставку боевых офицеров, руками своего военного министра расформировывал воинские части. Конева протестовал. Настаивал на том, что нельзя огульно сокращать общевойсковые части, что не всегда и не везде человека с винтовкой может заменить техника и новое вооружение, что грядущие войны не обязательно будут ядерными. Однажды, во время очередного спора по поводу будущего вооружённых сил, Конева твёрдо занял свою позицию и не уступал ни Малиновскому, ни Хрущёву. Согласие же Конева было необходимо: первый заместитель должен был поставить свою подпись под неким важнейшим документом. Маршал подпись ставить не хотел. Кто знает, возможно, он вспомнил историю трёхлетней давности, когда в угоду Хрущёву проявил слабость и поставил подпись под заготовленной статьёй. Видя, что Конева на этот раз не взять, Хрущёв начал нервничать, сыпать угрозами, махать кулаками: “Я тебя поставлю на колени!”

Эту фразу маршал запомнил на всю жизнь. Возможно, именно тогда он понял, что надо уходить.

Но перед окончательным уходом из войск в “райскую группу”, как в министерстве называли Группу генеральных инспекторов, выполнил ещё одно задание партии. А вернее — Хрущёва. Потому что тот, посмотрев по сторонам, вдруг не обнаружил рядом никого, кто мог бы решить берлинскую проблему оперативно и решительно.

Хрущёв все больше и больше окружал себя подхалимами и людьми во всех смыслах удобными. Но когда нужно было выполнить серьёзное и ответственное задание, исполнителя выдёргивал из шеренги непокладистых и непокорных, которых придерживал в сторонке.

Летом 1961 года в Берлине разразился кризис. Послевоенная жизнь налаживалась. В западной оккупационной зоне, которую контролировали американцы, социальные проблемы решались более энергично. И берлинцы потянулись туда. Миграционные процессы стали угрожающими — народ уходил на Запад. К осени 1961 года из ГДР ушли на Запад два миллиона человек. Кроме всего прочего, берлинский сектор стал шпионским гнездом для спецслужб вчерашних союзников, а ныне — противостоящих сторон. Из этого уютного и благоустроенного гнезда, удобно нависающего над долиной, птенцы ГРУ, “штази”, ЦРУ и КГБ свободно разлетались во все стороны — по всей долине. В Берлине заработали западные радиостанции, свободно вещавшие на восточный сектор Германии. Начались эксцессы на пограничных КПП.

Войны, как известно, начинаются после мелких конфликтов. Но когда бензин разлит, достаточно одной спички или щелчка зажигалки. О последней мы ещё поговорим...

А в Берлине произошло следующее. На КПП пограничники ГДР не пропустили группу американских солдат в восточный сектор на экскурсию. Те возмутились, доложили начальству. Дело в том, что восточный и западный секторы были открыты для въезда и выезда представителей армий, контролирующих эти зоны ответственности. Запрет касался только жителей двух Германий. Американцы, возмущённые запретом вопреки существовавшим договоренностям, вывели на Фридрихштрассе десять танков. Через несколько минут десять советских танков рычали моторами, выстраиваясь в затылок друг другу со стороны Восточного Берлина на той же Фридрихштрассе. Их разделяли сто шагов и хлипкая будка КПП с перепутанными часовыми обеих армий. Танки стояли “дуло в дуло”. В “чемоданах” лежал полный боекомплект. Экипажи не покидали боевых машин. Бензин был разлит с обеих сторон...

Москва торжественно отмечала возвращение своего космонавта № 2: Герман Титов только что вернулся из полёта. В Кремле Хрущёв устраивал пышный приём. На торжество пригласили и Конева. И неспроста.

Когда официальная часть приёма преодолена, Хрущёв подошёл к Коневу и заговорил о сложной ситуации, возникшей в Берлине. Начался диалог. Конева понял, что в нём вновь нуждаются. Ещё бы, американскими войсками в Берлине командовал генерал Кларк. Конева с ним было хорошо знаком лично, успешно сотрудничал, находясь в Вене в 46-м. Другого такого маршала или генерала, на сто процентов соответствующего сложившимся обстоятельствам, у Хрущёва не было. Конева же американцы знали по Эльбе, Вене. Конева у них из-под носа выхватил Прагу. Словом, лучшей кандидатуры не найти.

— Нужно сделать ход конём, — каламбурил Хрущёв.

Конева молчал. Ждал.

— Так что, Иван Степанович, собирайтесь, надо лететь в Берлин.

— Когда нужно ехать? — ответил Конева согласием.

— Как можно быстрее. Либо сегодня вечером, либо завтра утром.

Накануне этого разговора состоялась беседа Хрущёва с Первым секретарем ЦКП и руководителем ГДР Вальтером Ульбрихтом. Ульбрихт рассказал о тяжёлой обстановке, сложившейся в Берлине, сгустил краски, чтобы продвинуть Москву к более радикальным действиям на Западе. Ульбрихт хорошо понимал, что именно теперь, когда атмосфера настолько накалена, можно закрыть своим соотечественникам дорогу на Запад. Затем он сообщил о последних разведданных “штази”: в Бонне готовят восстание в ГДР. Хрущёв испугался. Только этого не хватало. Германия — не Венгрия, а Берлин — не Будапешт...

— Надо прекратить эти переходы, — сказал Хрущёв. — Мы даём вам две недели, чтобы подготовиться в политическом и экономическом плане.

— Есть улицы, одна сторона которых относится к ГДР, а другая уходит в Западный Берлин. Мы замуруем ходы, где можно так, *по-чёрному* перейти, — заверил его Ульбрихт.

Хрущёв кивнул:

— Я вижу, мы правильно понимаем друг друга в этих вопросах.

Решать берлинские вопросы послали старого солдата Конева. Берлин его помнил хорошо, во всех смыслах. Ещё не все дома, продырявленные его 203-мм гаубицами Б-4, были отремонтированы.

Конева по-солдатски ответил: “Есть” — и прямо из Кремля уехал на аэродром. Там его ждал личный самолёт Хрущёва.

Перед отъездом позвонил домой и сказал жене, что срочно вылетает в Германию и что за вещами заедет адъютант.

На следующий день Конева встретился с Главнокомандующим сухопутными войсками США в Европе генералом Кларком. Когда Кларк узнал о приезде Конева в Берлин, понял, что перед этим маршалом продемонстрировать маневры своих танковых частей бессмысленно. Один раз русские под командованием этого маршала Берлин уже брали...

Переговоры увенчались успехом. Танки, выстроившиеся на Фридрихштрассе, сделали разворот на 180 градусов и ушли в ангары.

Но на этом миссия маршала в Берлине не закончилась. В ночь с 12 на 13 августа 1961 года на линии соприкосновения на берлинских улицах и площадях, рассекая их на две половины, появилась сплошная стена — деревянные щиты с колючей проволокой наверху. В пределах города длина стены составляла 32 километра и 500 метров. Так появилась знаменитая Берлинская стена. Вначале она была деревянно-щитовой. Бетонные блоки появились позже.

Чтобы утром жители Западного Берлина и американские солдаты, обнаружив на улицах деревянные-проволочные заграждения, не снесли их, Конева отдал приказ: 20-й армии, дислоцированной в окрестностях Берлина, — полная боевая готовность; на линии соприкосновения от стены и в глубину обороны занять в три эшелона. Первый эшелон составляли пограничники ГДР и боевые дружины рабочих, второй — подразделения национальной армии ГДР, третий — части 20-й армии.

Впоследствии маршал, вспоминая Берлин 61-го, говорил, что обстановка была настолько накалена, что “если бы кто-нибудь случайно пальнул из пушки, могла бы начаться новая война”.

Стену строили добровольцы из боевых рабочих дружин и рабочие из Болгарии.

Конева назначили Главнокомандующим Объединёнными Вооружёнными силами стран-участниц Варшавского договора.

Жил он в служебном особняке в Вюнсдорфе в нескольких километрах от Берлина. Семью к себе не вызывал — опасался. Но потом, когда всё более или менее утихло, к нему приехала жена Антонина Васильевна. Дочь осталась учиться в Москве. Но на зимних каникулах к родителям прилетела и она. Особняк в Вюнсдорфе ожил и наполнился счастьем.

Наталия Ивановна Конева рассказывает:

— Проведённый в Германии год был одним из самых счастливых в семейной жизни родителей. Отец дал мне возможность увидеть и узнать очень многое из того, о чём до этого я читала в книгах, благо в нашей библиотеке их было предостаточно. Начали знакомство с Германией с посещения Дрездена, знаменитой галереи. Кстати сказать, это была единственная совместная поездка с отцом. Он был вечно занят. Но в этот наш к нему проезд ему захотелось ещё раз увидеть шедевры, которые он когда-то спасал. Показать их нам. И вот — дрезденские залы. Картины немецких художников, голландцев. Отец хотел снова увидеть Рафаэля. Похоже, именно поэтому он согласился поехать с нами. В первый раз “Сикстинскую мадонну” он увидел при плохом освещении. Отец долго стоял перед “Мадонной” и сказал: “Какая кротость... И в то же время — какая сила!”

Любопытная деталь. До приезда Конева в Берлин Главнокомандующим был генерал-полковник И. И. Якубовский. В 45-м он воевал у Конева командиром отдельной танковой бригады, полковником, потом заместителем командира танкового корпуса, генерал-майором. Воевал храбро и умело, за что в 44-м получил две Золотых Звезды Героя Советского Союза. Приезд маршала Конева и назначение его Главнокомандующим принял болезненно. Вот что вспоминал бывший военный разведчик и сотрудник советской военной администрации в Берлине полковник Ю. В. Басистов: “В Москве решили усилить представительство нашей группы войск, и на должность главкома был направлен маршал Иван Степанович Конева, видный полководец второй мировой войны, один из маршалов Победы, он был бок о бок с Жуковым. Якубовского оставили в группе войск, его сделали первым замом. Генерал Якубовский был очень строг. Горе тому дежурному по штабу, который утром, встречая его, докладывал бы ему: “Товарищ первый заместитель...”, надо было по-прежнему: “Товарищ главнокомандующий...”

Год пролетел быстро. Бетонная стена в Берлине и окрестностях окрепла... Её опутали колючей проволокой. Кое-где даже устроили контрольно-следовые полосы. Дело было сделано. И Конева отозвали в Москву.

Когда маршал покидал Берлин, генерал Кларк прислал ему личный подарок: настольную зажигалку фирмы “Ронсон” в деревянном корпусе с дарственной надписью. Подарок имел, конечно же, свой подтекст. Во-первых, Конеv был страстным курильщиком. Во-вторых, никто из них не бросил спичку, не чиркнул зажигалкой, хотя бензин был уже разлит...

В Москве его ждала “райская группа”, общественная работа, военно-спортивные игры школьников, походы с молодёжью по местам боевой славы, работа над мемуарами, которую он постоянно откладывал.

Ему было шестьдесят пять. Ещё послужил бы. Но родина больше не призывала.

Глава сорок вторая

МЕМУАРЫ

“Я не писатель, я солдат”.

Наталья Ивановна Конева в интервью еженедельнику “Собеседник” в июне 2006 года сказала: “Однажды Симонов предложил ему написать к 20-летию Победы книгу мемуаров. Сначала отец отказался: “Я не писатель, я солдат”. Но Симонов был настойчив, предложил надиктовать воспоминания, распечатать текст и сделать правку. В итоге Конеv согласился. Мемуары опубликовал “Новый мир” Твардовского, которого он чрезвычайно уважал. Потом мемуары вышли отдельной книгой — “Сорок пятый”. Там были и воспоминания о юности...”

С Александром Трифоновичем Твардовским у Конева завязалась дружба. Когда поэт узнал, что маршал, тогда ещё генерал-лейтенант, воевал на его родной Смоленщине, под Ярцевом и Духовщиной, он проникся к нему огромным уважением. А Конеv любил “Василия Тёркина” Твардовского. С некоторых пор в его кабинете на даче в Архангельском появилась вышитая шёлком копия с картины Непринцева “Отдых после боя”: боец-весельчак на привале в лесу что-то азартно “заливает” своим боевым товарищам, и те в восторге... Твардовский присылал Коневу свои новые книги. В одной из них, в очередном издании “Книги про бойца”, сделал такую надпись: “Прославленному полководцу, национальному герою Родины с признательностью за доброе слово об этой книге”. Наталья Ивановна рассказала, что до сих пор в книге лежит закладка, оставленная отцом. Заложил старый артиллерист страницу, где Василий Тёркин размышлял об артиллерии:

*Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнём расслышишь
Артиллерию свою.*

У нас в стране многое делается к датам, к юбилеям. В том числе и хорошее. Конечно, именно к круглой дате — 20-летию Победы — Конеv надиктовал на магнитофон Симонова первую книгу своих мемуаров. И эта книга, конечно же, была посвящена победному периоду Великой Отечественной войны, завершающему — Берлинской операции и тому, что ей предшествовало. Штурм Берлина до сих пор в сознании наших соотечественников является своего рода апофеозом войны. И только потом появились “Записки командующего фронтом”. Но — без 41-го и 42-го.

Однако в 1991 году в новом издании “Записок...” были опубликованы записи, надиктованные Коневым для Гостелерадио в 1972 году. В новое издание они вошли отдельным разделом под названием “В Смоленском сражении”. Они охватывают период с января по сентябрь 1941 года, когда Конеv формировал 19-ю армию и командовал ею под Витебском, Смоленском, Ярцевом и Духовщиной. Вспоминая июль-август 41-го, маршал сказал: “В эти дни наши войска дрались буквально за каждую выгодную позицию”.

Конева любили писатели. Часто бывали у него. Потому что и он любил писателей. Часто, когда случались свободные минуты, засиживался с ними допоздна. Он был благодарен своей родине, своему роду и книгам. Родина вырастила его, вскормила, дала начальное образование. А книги, чтение, общение с мудростью веков, историей воспитывали душу, укрепляли её.

Борис Полевой все четыре года войны день за днём старательно вёл дневники. Записывал все свои поездки на фронт, впечатления, беседы с людьми, рядовыми бойцами и командирами. На основе этих бесед и родилась его послевоенная повесть о маршале Коневе. Хотя композиционно она выстроена так.

В декабре 41-го войска Калининского фронта освобождают родной город писателя Калинин. Полевой едет в командировку, встречается с командующим войсками фронта генерал-полковником Коневым. Предлагает генералу написать о нём книгу. Тот отказывается, откладывает на будущее, “когда Красная Армия Берлин возьмёт”. И вот Берлин пал. Писатель разыскивает своего героя в замке в Южной Саксонии, где разместился его штаб. Теперь он маршал, командующий войсками 1-го Украинского фронта. И — началась беседа. Маршал частично рассказывает о себе. Частично повествование ведётся от автора. В самом начале повести рассказ о том, как писалась корреспонденция об освобождении Калинина. И этот рассказ раскрывает, как мне думается, тот метод, которым и были создано то, что сейчас мы называем мемуарами маршала Конева.

Полевой долго не мог попасть к командующему фронту. Генерал был занят. Наконец, член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов сказал, что генерал назначил беседу на 4 часа утра. И Полевой, опасаясь, что и эта встреча может не состояться или быть очень короткой, так что он, как корреспондент, прибывший за материалом для свежего номера, снова может остаться ни с чем, предложил, как это часто практиковалось, “сделать предварительную заготовку, проект статьи”.

— Никаких проектов и заготовок, если не хотите, чтобы он выставил Вас вон, — предупредил член Военного совета. — С одним из Ваших коллег, пожелавшим таким образом “облегчить” труд автора, такое уже случилось. От Вас требуется только приготовить бумагу и очинить карандаш — диктовать будет. Он, между прочим, хорошо диктует.

Точно так же Конев диктовал и свои приказы. Конечно, в штабе их обрабатывали. Но основу он надиктовывал сразу.

Отличие мемуаров Конева от мемуаров, к примеру, Рокоссовского в том, что Константин Константинович писал их сам. Что-то затем из черновиков убрал внутренний редактор мемуариста, а что-то — товарищи из других инстанций, где рукопись, прежде чем пойти в печать, визировалась. Но для таких рукописей, где многое остаётся в черновиках и среди купюр цензоров, наступают другие времена, когда утраченное можно восстановить. После Симонова восстанавливать мог бы сам Конев. Но теперь это невозможно.

Правда, Конев оставил богатейший архив. Различные записи, конспекты, письма. Архив бережно хранит дочь маршала. И год за годом кропотливо разбирает его. Кое-что публикует.

Наталия Ивановна рассказала, что в последние годы Конев не выпускал из рук книгу мемуаров Манштейна. “Утерянные победы” читал и перечитывал заново. Слово снова и снова переживал ту войну, операции, в ходе которых пытался загнать фельдмаршала и его танковые дивизии и корпуса в решающую ловушку. Мгновенно определял, где немец не договаривал и почему. В “Сорок пятом” и “Записках...” он время от времени цитирует своего бывшего неприятеля.

Книгу Манштейна “Утерянные победы” у нас в России сейчас издают часто. В год — несколько изданий. Недавно выпустили дорогой фолиант альбомного типа, насыщенный фотографиями, особенно немецкими. А того, кто бил его, от Белгорода и дальше, до Румынии, — ни одного нового издания. Что социализм наиздавал, то и хранится в библиотеках.

Такова степень нашего патриотизма и нашей гражданственности.

“Записки командующего фронтом” написаны всё же комиссаром. Всё в них имеет оттенок партийно-государственного понимания и осознания со-

бытий, о которых идёт речь. Они академичны, а потому порой скучноваты. Понятно, что над ними поработало ещё и Главное политуправление, что, видимо, ещё сильнее, с одной стороны, выхолостило рукопись, а с другой — перегрузило её правильными идеологическими выводами.

Удивительное дело, в “Записках...” Конев очень подробен. Говорят, это раздражало некоторых читателей из его окружения. Даже те, кто воевал рядом с ним, командовал армиями и корпусами, замечали: мол, слишком много места уделено деталям, трудно читать, теряешься в подробностях и мелочах...

Для него на войне не было мелочей. Бой состоял именно из частных. Расстановка сил, стремительный маневр...

Читая “Записки...” и “Сорок пятый”, невольно замечаешь, что главы, посвящённые подготовке к операциям, зачастую более пространные, чем описание собственно операции. Именно так было заведено в его манере воевать: подготовка к операции требовала не меньших усилий, чем её проведение. Этого он требовал и от своего штаба, от командармов и их штабов, от командиров корпусов, дивизий и бригад.

Мемуары Конева написаны хорошо. Особенно “Сорок пятый”. Иногда, явно увлекаясь, автор уходит в теорию. Но можно себе представить, какие картины перед ним развёртывались, когда он надиктовывал, к примеру, такие монологи:

“Прорыв — искусство, а не просто результат арифметических выкладок. Из опыта войны мы знаем немало примеров, как иногда трудно удавался прорыв. Как правило, основным содержанием оперативного прорыва были разгром главных сил противника в тактической зоне и создание условий для ввода в прорыв подвижных сил — танковых армий или вторых эшелонов фронта...”

Когда была закончена работа над второй книгой мемуаров, Конев задумался: как командующий фронтом, он постоянно связывался не только со Ставкой, но и лично со Сталиным, и многие решения и действия его войск были результатом этих совместных консультаций. И он пришёл к выводу, что нужна отдельная глава о Сталине. Ему хотелось подробнее рассказать о Верховном, о непростых взаимоотношениях с ним, о его достоинствах и недостатках, как видел их он, командующий войсками фронта. Посовещался с редактором, с боевыми товарищами генералами Жадовым и Покрышкиным. Пришли к выводу, что публикация такой главы невозможна без согласования в ЦК. Написал записку с просьбой — разрешить. Вскоре из ЦК позвонили: “Пока подождите, Иван Степанович. Не время...”

Оно, время полной правды, так и не наступило.

Глава сорок третья

РАЗГОВОРЫ С КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ

“Глазами человека моего поколения...”

Это отдельная история, которая, мне кажется, ещё станет достоянием нашей военной истории и истории литературы советского периода.

С окончанием строительства своего дома в Архангельском в дачном посёлке на берегу речушки Вороний брод, он наконец-то обрёл некое пристанище, где мог, после всех битв и тревог, сесть у окна и просто смотреть в сад, посаженный своими руками. Дом он построил в 1947-м, а в 1962-м, после строительства Берлинской стены, поселился здесь с семьёй уже основательно.

Там же, в окрестностях Архангельского, жили многие маршалы и генералы. Семья Москаленко, Жадовых, Рокоссовских, Говоровых.

В Архангельском с некоторых пор стал часто бывать Константин Симонов. Жил он в доме Жадовых. Константин Михайлович был женат на дочери Алексея Семеновича Жадова Ларисе, с которой познакомился в 1956 го-

ду. Это был его третий брак, последний. Лариса Алексеевна вышла за Симонова вторым браком. Первый муж её, поэт Семён Гудзенко, от которого у неё была дочь, умер.

Симонов стал навещать Коневу. В те годы он был увлечён записями фронтовиков.

Из книги Наталии Коневой: “Доверяя Жадову, отец как-то сразу по-особому стал относиться и к Симонову”.

Они ходили на рыбалку, пили чай на веранде. Симонов записывал на диктофон рассказы маршала. Рассказчиком он был великолепным. Память и ясность ума сохранил до последних дней.

Многие из записей впоследствии вошли в книгу Симонова “Глазами человека моего поколения”: взаимоотношения со Сталиным, их встречи и разговоры. Именно из бесед с Коневым Симонов, размышляя на тему “Сталин и война”, напишет: “По отношению к командующим фронтами Сталин был не только руководителем государства, партии, то есть человеком, в этой ипостаси своей находившийся на много ступеней от них, отделённый от них целой иерархией — партийной, государственной. В должности главнокомандующего Сталин был их непосредственным начальником. Это были его прямые подчинённые. И это отражалось на его отношении к ним. Это было временно, на время войны, его собственное ведомство. Его люди, его подчинённые, его самые близкие, непосредственные подчинённые.

В каком-то смысле между ним и этими подчинёнными были посредники в качестве представителя Ставки, или заместителя главнокомандующего, или начальника Генерального штаба, но это в одних случаях было, а в других не было. Во многих случаях было просто: командующий фронтом и над ним — Сталин; Сталин и под ним — командующий фронтом.

Главнокомандование во время войны для него было новым видом деятельности, и успехи в этом новом виде деятельности, так же как и неудачи, были для него особенно чувствительны. И он гордился своими успехами в этом новом для него виде деятельности и гордился успехами своих подчинённых. Прямых подчинённых, людей, с которыми он повседневно имел дело.

Вот, между прочим, секрет того положения, которое по отношению к командующим занимали члены военных советов. Сталин в конфликтах, возникших в этих случаях, чаще становился на сторону командующих. Эти четырнадцать или пятнадцать человек были его непосредственные подчинённые как Верховного главнокомандующего”.

Наталия Ивановна Конева рассказывает, что в те дни Симонов ходил к ним, как на работу. Коневу перед этим кто-то из его боевых друзей подарил диктофон — по тем временам вещь редкую и дорогую. Конев вёл параллельную запись. Теперь эти плёнки хранятся у дочери.

В книгу “Глазами человека моего поколения” “Беседы с маршалом Коневым” вошли отдельной главой.

Иногда маршал с писателем просто рыбачили. Варили уху.

Иногда подолгу разговаривали о какой-нибудь прочитанной книге.

Конев много читал. Всю войну возил по фронтам несколько любимых книг: “Науку побеждать” Суворова, “Войну и мир” Толстого, том Пушкина. “Полтаву” знал наизусть. Любил читать какие-то куски из неё.

Любил писателей. Привечал их у себя в Архангельском. Сюда к нему приезжал Борис Полевой, вологодский поэт Александр Яшин.

Но разговоры с Симоновым были наиболее плодотворными. И прежде всего, по той простой причине, что они не исчезли вместе с носителями тех диалогов. Симонов по-корреспондентски скрупулёзно переносил записанное на плёнку на бумагу, комментировал монологи маршала своими размышлениями и наблюдениями. “Коневский” раздел в книге Симонова “Глазами человека моего поколения” один из самых сильных.

Что влекло Симонова к Коневу? Только ли “богатый военный опыт” маршала? Конечно, и это. Но ведь были у них не только разговоры — рыбалка, уха... В Иване Степановиче Коневе было то человеческое обаяние и колорит сильной личности, которая не потеряла себя даже тогда, когда всё, казалось, прожито и оставлено в прошлом.

Симонов умел видеть человека глубоко. И Конев умел видеть глубоко и быть откровенным, когда от тебя ждут откровения.

Глава сорок четвёртая

СИРЕНЬ МАРШАЛА КОНЕВА

*“И как будто устарели тотчас
оба мы с тобой...”*

Однажды, когда Коневы жили ещё в московской квартире в доме на улице Грановского, Ивану Степановичу в день рождения маршал Рокоссовский преподнёс удивительный подарок, которым всё семейство Коневых потом любовалось каждую весну, — куст белой сирени. Раздался звонок, открыли, а на пороге — высокая фигура Рокоссовского с саженцем в кадке. За окнами зима, мороз, снег искрится, а улыбающийся Рокоссовский стоит в дверях с кустом живой цветущей сирени...

Сирень весной высадили в саду в Архангельском.

Сад в Архангельском — это последнее, после мемуаров, творение маршала Конева.

Сажать сад ему помогал тесть Василий Петрович Петров.

Яблони привезли из Мичуринска, самые лучшие сорта — антоновку, пепин шафранный, штрифель. Сажали со знанием дела и с любовью. А потому яблони заплодоносили очень скоро.

Каждую новую весну он встречал с восторгом и благодарностью. На праздник Победы всегда куда-нибудь уезжал — приглашали. После встреч с боевыми товарищами возвращался в своё цветущее царство, подолгу ходил по саду, рассматривал плодовые деревья, любовался сиренью. Мир, который он сотворил по зову своего крестьянского, мужицкого начала и который теперь цвёл, благоухал и плодоносил, существовал уже сам по себе, и его творец был счастлив чувствовать себя частью этого мира. Французского лётчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери спросили однажды: “Кем бы вы хотели стать, если бы не были писателем?” — “Садовником”, — не задумываясь, ответил он. Так вот, должно быть, и Конев ответил бы так же, когда на склоне лет, уйдя от активной службы, занялся садом и погрузил руки в землю.

Сирень на даче Коневых цвела так, как не цвела, кажется, нигде в округе. Её здесь было множество сортов. И множество расцветок. Белая, нежно-сиреневая с небесно-голубым отливом, сиренево-фиолетовая, бордовая, тёмная, как майские сумерки. Она здесь не цвела, а бушевала. Как когда-то в мае 45-го в только что освобождённой Праге...

Потом возвращался в кабинет, брал с полки недавно присланную главным редактором “Нового мира” книгу, открывал наугад:

*Тёркин, Тёркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой...*

Что ж, и устарели, и постарели. Как верно, насколько трогательно-глубоко и беспощадно-точно выразил поэт состояние солдата, который уже выбыл из строя и в котором уже не нуждается никто — ни командир, ни Родина.

Как рассказывает дочь, стариком Конев никогда не выглядел. Даже когда тяжело заболел. Одет всегда был опрятно. Даже в сад, собираясь работать, одевался, как на прогулку.

Не потерял и свою врождённую осанку. Правда, немного раздобрел.

У него был прекрасный садовый инструмент, тоже подаренный к 60-летию кем-то из фронтовых товарищей. Ходил, осматривал деревья и кустарники, делал необходимую обрезку, удаляя сухие и больные ветки. Ухаживал за картошкой.

Сад, его запахи и звуки в тишине, должно быть, принесли в уходящую жизнь этого человека то, что он оставил, потерял в погоне за другим, давным-давно, ещё в юности, когда уехал из Никольска, когда сбежал от тяжких комиссарских обязанностей на неведомую гражданскую войну. Сад вернул ему ощущение родины.

Второй праздник в саду, второе торжество наступало осенью, в самом её начале, когда созревали яблоки.

Выбирали ясный, погожий день. Бывают такие дни в середине сентября, на исходе бабьего лета, когда всё пространство заполнено ясным прозрачным светом последнего тепла, когда струятся, взблёскивая, невесомые паутины и хочется верить, что такое состояние будет длиться пусть не вечно, но всё же ещё долго. Конев выносил плащ-палатку, расстилал её на лужайке. Приезжала старшая дочь Майя с мужем Василием и внучкой Аней. Невестка Ирина привозила другую внучку — Лену. Но особенно радовалась этому дню младшая — Наташа. Антонина Васильевна выходила с корзиной. И начинался сбор плодов.

Кто хотя бы раз участвовал в сборе осенних яблок, кто пережил эти сдержанные, но глубокие эмоции от ощущения полноты жизни, наполненной созревшими плодами, тот поймёт радость моих героев.

Яблоки ссылали на офицерскую плащ-палатку. Как вспоминает Наталия Ивановна, “это была мозаика — зелёная, с жёлтым отливом антоновка, ярко-малиновый пепин шафранный, розово-полосатый штрифель...”

День сбора плодов был для Конева и днём сбора семьи, и днём радости от общения с детьми и внучками. Сторонник и ревнитель семейного консерватизма и Домостроя, он любил, когда за большим столом собиралась вся семья. В такие дни на радостях мог позволить себе рюмочку-другую.

Часто в своём кабинете засиживался со старшей дочерью Майей.

Майя с успехом окончила МГУ, переводила польских писателей на русский язык, была великолепным стилистом и специалистом по польской литературе. Конев, страстный книголюб, частенько получал из ЦК книги по закрытому “спецписку”. Каждую очередную связку “запрещённых” книг, как правило, первой перебирала Майя. Но иногда приносила такую же связку книг отцу. Она общалась с людьми из диссидентствующей и полудиссидентствующей среды. 60-е годы — время вольных ветров в советском обществе. Конев, прекрасно понимавший, что происходит в стране и мире, видел, что эти ветра всерьёз захватили старшую дочь. Не всегда и не во всём разделяя её увлечения и взгляды, он всё же относился к этому терпимо.

Майя какое-то время жила с первым мужем в Америке. Вернулась усталая. Первый её брак распался. Во втором браке была счастлива. Её муж Василий Архипов был заместителем Главного конструктора КБ Микояна. Человек увлечённый, талантливый авиаконструктор.

Так получилось, что старшие дети разделились: сын, Гелий, больше тянулся к матери. Майя была привязана к отцу.

Свободомыслие старшей дочери не особенно смущало Конева. При всём консерватизме своих взглядов и позиций он понимал, что в чём-то и она права.

Однажды Майя принесла очередную “связку”: книгу Н. А. Соколова “Убийство царской семьи”, роман “Доктор Живаго” Б. Пастернака, “В круге первом” А. И. Солженицына.

Конев книги прочитал. К их содержанию и позиции авторов отнёсся по-разному. Книга Соколова ему понравилась. К “Доктору Живаго” он отнёсся нейтрально. Стиль романа ему не понравился, а идея показалась неясной, рыхлой и слишком глубоко запрятанной, чтобы зажечь читателя. По этому поводу он процитировал Майе своего любимого Льва Толстого:

— Ясность — удовольствие ума! А здесь этого нет.

“А вот по поводу Солженицына, — вспоминает Наталия Ивановна, — у них с Майей были страшные споры, которые заканчивались на повышенных тонах”.

Надо полагать, что разговор о Солженицыне был не единичным эпизодом интеллектуальных бесед отца и дочери.

Младшая Наташа, в то время школьница-одиннадцатиклассница, старалась не пропустить разговоров отца и старшей сестры о литературе, о прочитанных книгах. Она уже полюбила мир книг и русского языка и мечтала о том, что её будущее будет связано с языком и литературой.

Так и случится. Отец ей желал медицинского поприща. А она ушла в любимую с детства русскую словесность. Надо заметить, что, как это часто происходит в крепких здоровых семьях, на младшую большое влияние оказала старшая сестра.

— Я благодарна сестре за то, — рассказала Наталия Ивановна, — что она помогла мне полюбить поэзию, воспринимаемую тогда моими ровесниками очень остро, поскольку в литературу вошло новое поколение, оценивавшее в поэтической форме свою эпоху, нередко с критической точки зрения. Они делали это талантливо, экспрессивно и публично — на поэтические вечера в Политехническом музее собиралась масса народа. Сестра Майя сумела научить меня радоваться слову, “вкусности” фразы. Ей очень хотелось, чтобы я смогла почувствовать, какой талантливый, не ходульный, не агитпроповский поэт Маяковский, которого мы “проходили” в школе. Был извлечён из папиной библиотеки редкий однотомник Маяковского. Но главной книгой, с которой нам всем удалось познакомиться в иностранном издании, было “Собачьё сердце” Булгакова. Меня, школьницу 11-го класса, книга потрясла. С отцом мы её не обсуждали, мне показалось, что он не хотел делиться со мной возникшими после её прочтения мыслями, но ни спорить, ни возмущаться не стал”.

В это время Конев, конечно, не без участия дочерей, начал собирать новую библиотеку. Первая его библиотека, собранная в 20-е и 30-е годы, осталась в оккупированном Ростове. После войны он пытался наводить справки, но поиски никаких результатов не дали. Библиотека пропала. То ли сгорела, то ли растащили.

Для нового собрания Конев приобретал то, что любил или что хотел прочитать в прежние годы, но не мог по разным причинам. А теперь, наконец, настала пора сбора урожая. Можно было позволить себе несколько часов кряду, а то и день напролёт просидеть за любимой книгой.

В библиотеке было много книг из академической серии “Литературные памятники”. Конев всегда ценил основательность. Часто делал на полях пометки карандашом, словно намеревался к этой мысли ещё вернуться. Выписывал и читал военно-технические и военно-исторические журналы, периодику. В доме всегда были свежие “толстые” литературно-художественные журналы: “Новый мир”, “Иностранная литература”, “Октябрь”. Любил листать “Рыболов-спортсмен”, “Здоровье”, “Огонёк”.

Конечно же, политика, интерес к тому, что происходит в мире, в стране, в Кремле и на Старой площади, не оставляли его. И с некоторых пор Конев пристрастился слушать “голоса”. Наталия Ивановна рассказывает, что “отец включал свой старый ламповый радиоприёмник “Сименс” и слушал новости по “Голосу Америки”, “Радио “Свобода”, “Би-Би-Си”, иногда “Немецкой волне”. “Немецкая волна”, её передачи и стиль Коневу нравились меньше.

Сын Гелий жил своей жизнью. По выходным он тоже приезжал на дачу в Архангельское. Высокий, стройный, своей мужской статью словно повторявший юность отца, он женился на такой же красавице из ансамбля танца Игоря Моисеева Ирине Алексеевне Чагадаевой. Окончил военное училище, стал офицером. Но с сыном была беда — пристрастился к спиртному: друзья, весёлые компании.

Гелий рос весьма одарённым человеком. После школы поступил в Военный институт на факультет иностранных языков, но не окончил его, перевёлся в Военно-дипломатическую академию Министерства обороны СССР. Учился с отличием, в совершенстве овладел английским и готовился к карьере военного атташе за рубежом. Но вскоре последовало указание — детей высокопоставленных чиновников и военных на работу за рубежом не брать. Гелий окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Служил в ГРУ. Но артистическая натура, унаследованная от матери, выталкивает его из среды, подчинённой строжайшим правилам. Прекрасный музыкант, им-

провизатор, он не раз буквально покорял своей виртуозной игрой на рояле Хачатуряна и Цфасмана. Цфасман приглашал его к себе в джаз-бэнд. Но — не судьба. А тут ещё одна неприятность: дело полковника ГРУ Олега Пеньковского, работавшего на британскую Ми-5 и ЦРУ. А с Пеньковским он был хорошо знаком — учились вместе в Академии, а потом служили в ГРУ. Осталась одна дорога — в войска. Вскоре он уже — командир полка в Печенге под Мурманском. Затем поступил в Академию Генерального штаба. Москва, старые забавы и снова — срыв. Отец, разозлённый его поведением, делает всё, чтобы сына загнали как можно дальше от Москвы. “Барство”. Гелий попадает в Нахичевань на должность заместителя командира стрелковой дивизии. Но пьянство продолжается. Из армии его комисовали в начале 70-х годов. Вернулся в Москву. Жил на пенсию, подрабатывал в какой-то конторе начальником отдела кадров. Несколько раз женился. Детей больше не было. Продолжал пить. Сестру Майю, которую он очень любил, пережил всего на полгода.

Гелий женился на Ирине Алексеевне Чагадаевой в 1948 году. Развелись они в 1965-м. С разводом связана вот такая история.

Конев не знал о том, что с его сыном случилась “русская болезнь”. Домашние и Анна Ефимовна скрывали от него всё, что было связано с запоями и “барством” Гелия. Правда открылась после того, как начался бракоразводный процесс. Сын приехал на дачу и объявил о разводе с Ириной. Отец вскипел, выгнал Гелия из дому и сказал, чтобы ни в отцовском доме, ни в Москве не появлялся до тех пор, пока он этого не позволит. Так и произошло.

Но отцовское сердце отходчиво. Забота о единственном сыне брала верх. Он даст Гелию ещё один шанс — сын поступит в Академию Генштаба...

Это была трагедия и сына, и отца.

Гелию надо было идти на сцену, а не в казарму.

Жена Гелия, Ирина Алексеевна, урождённая Чагадаева, была из некогда известного и славного дворянского рода. Её отец — князь Алексей Дмитриевич Чагадаев-Саканский — был учредителем Царскосельского Аэро-автомобильного спортивного общества, страстным автомобилистом. Развивал автомобильное дело в России и видел в нём большие перспективы. Участник первой мировой войны. Так же, как и Конев, воевал в тяжёлом артиллерийском дивизионе. Награждён офицерским Георгиевским крестом 4-й степени за бой под Молодечно. После революции, стараясь затеряться, скрыть своё происхождение, перевёз семью из Петербурга в Москву. Будучи прекрасным специалистом-автомехаником, работал в автомобильном хозяйстве ВСНХ, затем на различных должностях на автозаводе им. Сталина. Арестован и расстрелян в 1937 году как “враг народа” на Бутовском полигоне. В 1962 году реабилитирован.

Как рассказывает дочь Гелия и Ирины Елена Гелиевна Конева, “дед это знал, но никогда не говорил об этом”. Только недавно, разбирая архив маршала, они нашли записи Конева о расстреле Алексея Дмитриевича Чагадаева. Сейчас это известная история.

Да, зная то время и те нравы, царившие в обществе, взять в свой дом дочь врага народа — это взвалить на свои плечи тяжёлый и опасный крест. Конев знал историю своей невестки: сирота, после расстрела отца мать прожила недолго, оставив пятерых детей, Ирина — младшая.

Ирина была очень талантлива. Танцевала с раннего детства, потом во Дворце пионеров, в группе своих сверстниц, а затем случилось чудо. Их, всю группу, приняли в хореографическое училище Большого театра по личному распоряжению Сталина. Училище Ирина окончила перед самой войной. Поступила в Государственный Ансамбль народного танца. С ним выступала перед бойцами и в госпиталях на Дальнем Востоке и в Монголии. Получила Сталинскую премию 1-й степени — за концертную деятельность. Стала Заслуженной артисткой РСФСР.

— Дед всегда очень гордился моей мамой, — рассказывает Елена Гелиевна. — Говорил, что она никогда не доставила ему неприятных секунд, а только с честью несёт его фамилию по всему миру. До конца своих дней считал её невесткой, на своём 70-летии поднял за неё тост. Мама сидела ря-

дом с Рокоссовским и его женой. Юлия, жена Рокоссовского, сказала ей: “Ирочка, ведь Вы уже не замужем за Геликом, почему он называет Вас своей невесткой?” Мама ответила: “Значит, в наших с ним отношениях ничего не изменилось, а таким званием, как невестка Конева, я только горжусь”. У них была какая-то особенная приязнь друг к другу. Как-то мы приехали в Москву с дачи... Дед маме позвонил, и они гуляли по бульвару, разговаривали. Дед ей рассказывал про свою жизнь, и, как я понимаю, не про победы на фронте, а о самом личном. Рассказывал очень откровенно, о чём редко говорят, особенно мужчины. Думаю, что, зная суперпорядочность моей матери, он понимал, что об этом никто никогда не узнает, и потому так был откровенен. Разговор, видимо, касался моей бабушки Анны Ефимовны. Ещё до свадьбы мама стала жить у Анны Ефимовны и дала деду обещание её не бросать. С бабушкой мы прожили до 1969 года, хотя характер у бабушки был не сахар. Уехали мы от неё только тогда, когда Майе надо было помогать с дочерью Аней. В 1974 году мама вышла замуж за Игоря Александровича Моисеева — сейчас она его вдова, днями ей будет 87 лет. Она до сих пор работает в Государственном Академическом ансамбле народного танца имени И. А. Моисеева. Теперь она педагог-репетитор.

Дочь Гелия Ивановича и Ирины Алексеевны Елена Гелиевна окончила переводческий факультет Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза. Работала в Гостелерадио, затем — старшим искусствоведом во Всесоюзном художественном комбинате им. Е. Вучетича Министерства культуры СССР. Занималась проведением художественных выставок в Москве. В 90-е годы работала с Ансамблем Моисеева, организовывала гастрели, объехала с коллективом полмира.

Карьера Майи сложилась очень благополучно. Прекрасная переводчица с польского, она открыла русскому читателю многих польских писателей. Работая в издательстве “Иностранная литература”, издавала Теодора Парницкого, Владислава Терлецкого, Яна Пиларжа. Перевела детективы Иоанны Хмелевской. В моей библиотеке есть старая книга — сборник “Современная польская повесть. 70-е годы”. В ней три повести трёх польских писателей: Вацлава Билинского, Юлиана Кавальца, Владислава Терлецкого. Составитель — Майя Конева.

Круг её знакомств и дружеского общения, связанного, конечно же, с литературой, был очень широк: Анна Ахматова, вдова Михаила Булгакова Елена Сергеевна Булгакова, поэты Юрий Левитанский, Булат Окуджава, Давид Самойлов, литературовед Святослав Бэлза, которого мы сейчас больше знаем как телеведущего, писатели Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев.

В те годы писательская молодежь одного из направлений в советской литературе, которое жило и творило в атмосфере очарования Западом и его ценностями, часто собиралась в небольшом подмосковном городке Тарусе на Оке, у К. Г. Паустовского. Вскоре именно здесь родился самый, пожалуй, известный литературный сборник XX века — “Тарусские страницы”. Почти все авторы сборника — друзья или хорошие знакомые Майи Коневой. Здесь, в Тарусе, в “диссидентском гнезде”, жили тогда Александр Гинзбург, Иосиф Бродский, Лариса Богораз. Сюда приезжал больной и смертельно уставший от Колымы Варлам Шаламов. Здесь бывала вдова Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна Мандельштам и многие, многие...

Как рассказала дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна Конева, родители часто ездили на Оку, в Поленово, гостили у внука художника В. Д. Поленова Фёдора Дмитриевича. Перебирались и в Тарусу. Таруса от Поленова — через реку. В Тарусе останавливались у поэтов Музы Павловой и Владимира Бурича. Муза Павлова писала свои абсурдистские пьесы, которые никто не ставил, и переводила с польского современных поэтов. А Владимир Бурич писал прекрасные верлибры и тоже переводил — с польского и сербского. Переводы печатались в “Иностранной литературе”.

В 1968 году разразился очередной кризис в нашем “социалистическом лагере”, на этот раз — в Чехословакии. В Прагу вошли советские танки. Конева хорошо знал, что это такое, по 56-му году, по Венгрии.

В эти дни он особенно внимательно читал газеты и яростно накручивал ручку своего “Сименса” — слушал то, что передают в эфир “вражеские голоса”. Советские газеты надо было читать между строк, он это умел. К тому времени Коневу уже не присылали информационный бюллетень ТАСС, который курьерской почтой доставлялся ограниченному кругу лиц. Кое-что узнавал из общения с бывшими фронтовиками, кто ещё служил, занимал различные должности в Министерстве обороны СССР и в войсках. Благо, Кирилл Семёнович Москаленко жил по соседству. В то время он был заместителем министра обороны.

Со всего Архангельского, как вспоминает Наталия Ивановна Конева, в гостеприимный дом Москаленко сходилась генеральская молодёжь “крутить кино”. Молодёжь “крутила кино”, а они, старики, запирались в кабинете и под чаёк разговаривали о том, что происходило на Западе, где они двадцать три года назад громили немецких генералов и фельдмаршалов.

Во время очередного приезда на дачу старшей дочери состоялся разговор и с ней. Майя с присущей ей прямоотой назвала ввод войск в Чехословакию агрессией, защищала и оправдывала акцию на Красной площади, где семь человек вышли с плакатом “За вашу и нашу свободу!” и тут же были арестованы милицией и сотрудниками КГБ. Среди арестованных оказалась и Лариса Богораз, с которой у Майи были дружеские отношения. Тот разговор между отцом и дочерью снова окончился “на повышенных тонах”. Но их родственных чувств он не затронул.

Антонина Васильевна в эти родительские беседы не вмешивалась. Она относилась к Майе дружески, тепло. Майя платила ей тем же.

Сразу после войны Конев приехал в Москву с новой женой. Он собрал за семейным столом своих старших детей, представил им Антонину Васильевну и сказал:

— Вот хозяйка, живите вместе с нами, я буду только рад, но уважайте её. Если вас что-то не устраивает — уходите.

Майя осталась жить с отцом. Потом, когда вышла замуж, жила в родительской квартире с мужем.

Дочь Майи Ивановны и Василия Анатольевича Архипова Анна Васильевна окончила Военный институт по специальности “военный переводчик”. До 1992 года служила в Центральной группе войск в Чехословакии. Сейчас — директор турагентства. Живёт, как и все Коневы, в Москве.

Коневу очень хотелось, чтобы кто-то из их, коневского, рода пошёл по военной стезе. С сыном ничего не вышло. И вот из Лодейна прислала письмо сестра Мария: просит хлопотать за её сына Александра и пристроить в Суворовское училище. Сел, задумался. В тот же день, посоветовавшись с домашними, отписал сестре: “Маша, не надо портить парню детство, пусть растёт дома, запомнит родительскую ласку, семейную жизнь с братьями и сестрой. Окончит десятилетку, а там посмотри”.

Посмотрел на вложенную в конверт фотокарточку племянника. И будто его русоволосое и светлоглазое детство оглянулось на него издали. Вспомнилось сиротство. Без отца тяжело, а без матери...

Когда племянник окончил школу, Конев помог ему подготовиться к экзаменам в Академию бронетанковых войск. Александр учился прилежно, с огромным желанием стать офицером. Успешно окончил инженерно-танковый факультет и bravым лейтенантом отправился служить в войска. Прошли годы. Служил и в Афганистане, и Группе советских войск в Германии. В запас вышел в звании генерал-лейтенанта.

Генерал Александр Головкин с благодарностью вспоминает своего дядю:

— Когда я получил лейтенантские погоны и первое назначение, дядя мне сказал вот что: “Ты только начинаешь службу, всё у тебя впереди. Служи добросовестно и честно, никогда не ври, заботься о подчинённых и будь к ним справедлив”.

Наталия Ивановна, младшая дочь Конева, — человек удивительный.

Конев очень хотел, чтобы его младшая дочь была врачом, а она стала филологом. Более тридцати лет Наталия Ивановна преподаёт зарубежную литературу в Московском военном университете. Профессор кафедры языко-

знания и литературы, редкий специалист по творчеству Киплинга. Возглавляет Фонд памяти полководцев Победы. Ведёт большую работу с молодёжью по патриотическому воспитанию. Подготовила к печати несколько книг. Автор прекрасно написанной и великолепно изданной книги “Маршал Конев — мой отец”. Книга Наталии Ивановны — это дочерний поклон и своему отцу, и замечательному полководцу Великой Отечественной войны, и дань уважения и памяти многим маршалам и генералам, которые вместе с И. С. Коневым шли к Победе. Хранительница богатейшего архива отца, который потихоньку разбирает и публикует. Многие ранее неизвестные факты и документы из этого архива, предоставленные автору, растворены и в настоящей книге.

Дочь Наталии Ивановны Дария Бажанова воспитывает троих правнуков маршала: дочь Майю-младшую, Таисию и сына Ивана. Так что в семействе Коневых снова есть Иван!

Наталия Ивановна не только хранительница памяти отца и его архива, она — центр коневского семейства. Семейство Коневых очень дружное. В своё время, после смерти маршала, Антонина Васильевна, благодаря врождённой доброте и благородству своей души, смогла так распорядиться наследством мужа и отца, что все только тесней сплотились вокруг неё. Сейчас эту миссию несёт Наталия Ивановна. Раз в год семейство собирается на Красной площади у могилы отца, деда и прадеда, а потом все идут в маленькое кафе напротив. Пьют кофе с пирогами и вспоминают всех ушедших, делятся семейными новостями.

Глава сорок пятая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

“Его прощальный взгляд был совершенно ясный...”

Когда маршал был уже неизлечимо болен, но находился дома, ставил на проигрыватель любимую грампластинку Фёдора Ивановича Шаляпина и подолгу слушал. Маршал и прежде любил этот мощный бас, от которого веяло русскими просторами, удалью, родной стариной, непобедимостью России. Шаляпин был для него воплощением “русскости” и в то же время, как заметила Наталия Ивановна Конева, “какого-то надлома, душевного смятения, предопределённого драматическими поворотами нашей истории”.

Умирал он мужественно, зная, что жить ему осталось совсем немного.

У постели его постоянно дежурил кто-нибудь из родных.

Часто его навещал тогдашний Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин.

Вспоминая последние мгновения жизни отца, Наталия Ивановна рассказывала: “Я хорошо помню момент его прощания со мной. Он знал, что умирает, у него был рак. Так получилось, что я пришла в больницу, когда у него случился приступ, после которого он уже не смог оправиться. У него резко открылось кровотечение. И вот пока прибежала дежурная медсестра, пока его перекладывали на носилки, он всё это время смотрел на меня. Он не сказал ни слова, он хорошо знал, что это наша последняя встреча. Это был просто долгий прощальный взгляд. Его прощальный взгляд был совершенно ясный”.

Это произошло 21 мая 1973 года.

Летом он мечтал поехать в Лудейно, в родные вятско-вологодские края. Видимо, чувствовал, что срок его пребывания на земле иссякает. Потянуло на родину.

Недавно московский агроном-селекционер С. А. Аладин вывел новый сорт сирени и назвал его “Маршал Конев”. Один из первых черенков он подарил семейству Коневых.